

ЕВГЕНИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ 1920-Х ГОДОВ

(см. фото на 6-7 стр. цв. вкладки)

Слово «евгеника» долгое время, а во многом и до сих пор, несёт в своём значении негативный оттенок. В официальных энциклопедических изданиях евгеника определяется скорее как псевдонаука, некое не оправдавшее себя учение об улучшении человеческой породы, попытки применения которой на практике не дали желаемых результатов. Более того, евгеника нередко ассоциируется с расизмом и фашизмом, с политикой расовой гигиены в гитлеровской Германии, имевшей страшные последствия и приведшей к гибели огромного количества людей. Между тем, такое, довольно-таки поверхностное, представление о евгенике оправдано лишь частично. Не вина, а беда этого направления научной мысли, что идеи об улучшении природы человека были взяты на вооружение и затем кардинально извращены преступными политическими силами.

Основатели и научные лидеры евгеники были далеки от подобного рода замыслов, противоречивших самой сути поставленной проблемы. Но, как это нередко бывает, когда к научной программе подключаются политики, результаты такого интереса оказываются непредсказуемыми и зачастую катастрофическими. Можно вспомнить, например, ядерную физику, одним из практических «воплощений» которой оказалась ядерная бомба. Но глупо было бы обвинять Эйнштейна или Ферми в трагедии Хиросимы и Нагасаки.

Сопряжение евгеники и фашизма в отечественной традиции было связано и с чисто идеологическими моментами. Оно появилось в партийной, политизированной публицистике на рубеже 20-х – 30-х годов, в период «Великого перелома», т.е. ещё до прихода в Германии к власти нацистов. Уже тогда замечательные русские учёные, интересовавшиеся и занимавшиеся евгеникой, были обвинены в пропаганде «бредовых»; «звериных» идей. Навешивались политические ярлыки, развернулась газетная травля. Всё это было одним из способов расправы с независимой научной мыслью, одним из проявлений политики «закручивания гаек» в науке, попыток поставить её под жёсткий партийный контроль.

В 1920-е же годы евгеническое движение, к тому времени охватившее целый ряд европейских стран и США, началось и в России. Здесь, как впрочем, и в других культурных традициях, оно приобрело свои, специфические черты. Проводились новаторские исследования, обсу-

ждались теоретические позиции, издавались научные работы, ширился общественный интерес. Всё это замечательное интеллектуальное поле новой, создававшейся науки было в конечном счёте почти полностью смещено в 1930-х годах. Исторический век русской евгеники оказался очень коротким. Но научное наследие, оставленное ею, до сих пор поражает масштабностью замыслов и значимостью результатов. Его изучение ещё только начинается.

В данной работе автор не стремился провести всестороннее исследование истории евгеники в советской России и дать полноценное представление об этом ярком феномене тогдашней научной и общественной мысли. Её цель – более скромна. Среди евгенических исследований тех лет особое место занимают работы по генеалогии. Как известно, ныне генеалогический метод является одним из основных в изучении генетики человека. Тогда же такие исследования только начинались, и генеалогия впервые в отечественной науке оказалась существенной для исследования, казалось бы, далёких на первый взгляд от неё биологических и медицинских проблем. Речь идёт прежде всего о генеалогии «исторической», т.е. той области исторического знания, которая традиционно работает с историческими источниками, пытаясь воссоздать картину родственных связей тех или иных исторических лиц.

Эта наука стала чрезвычайно полезной для антропогенетики именно в евгеническом контексте 20-х годов и обрела большую значимость в исследованиях подобного плана. Её исследовательский потенциал существенно обогатил круг естественнонаучных дисциплин и сама генеалогия получила чрезвычайно много, оказавшись в ракурсе новых задач. К сожалению, генеалогию в нашей стране постигла та же участь, что и генетику. Но «евгенический период» её истории остался важным этапом развития генеалогической науки в России, этапом, до конца ещё по достоинству не оценённым. Генеалоги и генетики совместно, параллельно провели ряд выдающихся исследований, часть из которых, к счастью, успели опубликовать. Другие же разработки так и остались в рукописях, из которых, как можно думать, сохранилась лишь небольшая часть. Упоминания в тогдашней научной литературе, переписка и некоторые другие документальные материалы позволяют сегодня представить истинный масштаб генеалогических исследований российских «евгенистов».

Автор благодарит академика РАН Вяч. Вс. Иванова и коллектив возглавляемого им Института «Русская антропологическая школа» РГГУ, академиков РАНН В.И. Иванова и Н.П. Бочкова, доктора биологических наук А.В. Родионова и президента Русского генеалогического общества И.В. Сахарова за высказанные пожелания и замечания и за поддержку данной работы.

1. Евгеника: люди и идеи.

Всякая промежуточная область между двумя самостоятельно развивавшимися научными дисциплинами представляет для исследователя огромный интерес. Здесь перед ним новое поле работы. В то время как в самостоятельно развившихся и достигших высшей степени совершенства дисциплинах каждый новый шаг требует больших усилий и применения особенно совершенных методов, там, где впервые представляется возможность использовать методику чужой дисциплины, требуется только знание этой дисциплины и при сравнительно простой методике удаётся открыть совершенно новые результаты.

Николай Константинович Кольцов

Термин «евгеника» (от греческих слов «eu» – благо и «genos» – род) ввёл в науку выдающийся английский учёный Фрэнсис Гальтон (16.2.1822, Лэрчес, близ Бирмингема – 17.1.1911, Лондон), двоюродный брат Чарльза Дарвина (это родство сыграло определённую роль в возникновении евгеники)¹.

Разносторонний учёный-энциклопедист, Гальтон оставил яркий след в самых разных областях научного знания. Круг его интересов был необычайно широк. Первоначально он получил известность как путешественник, географ и метеоролог, и именно в этом качестве стал членом Лондонского Королевского общества (аналог Академии наук). Затем Гальтон обратился к изучению человека в самых разнообразных проявлениях его природы, руководствуясь при этом главной методологической установкой: «Пока феномены какой-нибудь отрасли знания не будут подчинены измерению и числу, они не могут приобрести статус и достоинство науки»². С этой точки зрения он занимался широким спектром научных проблем. Так, в области психологии он пытался измерить функции психики, т.е. работу различных органов чувств, определяя в частности время психических реакций – это направление исследований получило название «психометрия». В антропологии он также впервые применил большое число измерений, внося таким образом решающий вклад в становление антропометрии. В 1882 г. он основал в Лондоне антропометрическую лабораторию. Занимаясь физиономикой, Гальтон первым попытался сконструировать типические лица представителей различных народов, носителей определённых психических особенностей, болезней и т.д., а также воссоздать достоверные портреты исторических деятелей – таких, как Александр Македонский, Наполеон и др. Для этого он сопоставлял их различные сохранившиеся портретные изображения, а затем на основе сравнения и измерений реконструировал внешний облик. Именно Гальтон стал одним из основателей дактилоскопии, получившей столь важное значение в криминалистике. Он также интересовался вопросами цветозвуковых ассоциаций, стремясь установить соответствия звуков и цветов, а также многими другими антропологическими функциями и характеристиками. Сами названия работ Гальтона

свидетельствуют о его увлечённости точными, математическими данными: «Измерение характера» (1884), «Арифметика с помощью запаха» (1894) и т.д. Причём Гальтон сам сконструировал целый ряд приборов для своих исследований, проявив себя талантливым инженером-изобретателем. Это многообразие интересов не могло оставить в стороне и теорию естественного отбора в биологии, выдвинутую Дарвином и вызвавшую бурные научные дискуссии.

Вопросы наследственности человека оказались в поле внимания Гальтона с середины 1860-х годов. Под влиянием дарвиновских идей, он попытался применить эволюционную теорию к проблеме развития человека. В 1869 г. вышла книга Гальтона «Наследственный гений: исследование его законов и последствий»³, основная идея которой была сформулирована уже в первых строках введения: «Природные способности человека являются у него путём унаследования при таких же точно ограничениях, как и внешняя форма и физические признаки во всём органическом мире. Следовательно, подобно тому как, несмотря на эти ограничения, с помощью тщательного подбора нетрудно получить такую породу лошадей или собак, в которой быстрота бега представляла бы качество не случайное, а постоянное, или добиться какого-либо иного результата в том же роде, - точно так же было бы делом вполне осуществимым произвести высококачественную расу людей посредством соответственных браков в течение нескольких поколений»⁴. Для обоснования своего тезиса Гальтон привёл широкие статистические и исторические обобщения, пытаясь показать наследуемость различных свойств человека: черт его характера, психических особенностей, таланта и одарённости в семьях известных государственных деятелей, полководцев, учёных, писателей и поэтов, музыкантов, художников и даже спортсменов (гребцов и борцов). Развивая свои идеи, Гальтон в 1883 г. предложил термин «евгеника», определив её как науку об улучшении человеческого рода. Этой проблематикой учёный занимался всю оставшуюся жизнь, опубликовав впоследствии ещё две основополагающие для этой области книги: «Природная наследственность» (1889) и «Очерки по евгенике» (1909).

Естественно, Гальтон не был первым, кто поставил вопросы о наследственности человека и об улучшении его природы. Изучение наследственности человека уходит своими корнями ещё в античную эпоху, когда на основе эмпирических наблюдений в рамках медицины сформировалось представление о наследственном характере ряда заболеваний⁵. Эти мысли высказывал уже «отец медицины» Гиппократ (ок. 460 – ок. 370 гг. до н.э.). Однако, только прочной научной базой для исследований в данной области не было (таким «фундаментом») впоследствии стала генетика) и механизмы наследственности оставались неизвестными, то и само это направление научной мысли не получило существенного развития. Лишь некоторые учёные занимались подобного рода проблемами, например, французский астроном и математик, известный трудами и в других областях, президент Берлинской Академии наук Пьер-Луи Моро де Мопертюи

(1698–1759), изучавший наследование альбинизма и шестипалости⁶, или лондонский врач Джозеф Адамс, в начале XIX в. опубликовавший «Философский трактат о наследственных свойствах человеческой расы». В то же время идея о селекции человека также зародилась ещё в Древней Греции, где даже были предприняты некоторые практические шаги в этом плане (в Спарте), основывавшиеся, впрочем, опять-таки на чисто прикладном уровне знаний. В философском смысле идею селекции человека, подобно выведению пород животных, обосновывал Платон (428/427 – 348/347 гг. до н.э.) в своём знаменитом диалоге «Государство», в пятой книге, где он писал об общности жён и детей: «... лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше стадо должно быть самым отборным» (459d). Таким образом, идея евгеники восходит в конечном счёте именно к платоновским размышлениям об идеальном государственном устройстве.

Заслуга Гальтона состоит прежде всего в том, что он попытался поставить изучение наследственности человека на твёрдую научную почву, опираясь на имевшиеся к тому времени достижения биологии (в частности теорию естественного отбора) и медицины. После 1900 г., в связи с переткрытием законов Менделя, научное представление о наследственности сделало колоссальный рывок вперёд. Началось бурное развитие генетики, которая оказала огромное влияние на евгенику. Именно среди генетиков евгенические идеи Гальтона нашли впоследствии многих сторонников.

Будучи убеждённым, что талант и вообще психические свойства человека так же наследственны, как и его физические особенности, Гальтон считал наследственность и естественный отбор главными факторами развития человека и общества. При этом роль наследственности для человека, по его мнению, значительно важнее роли среды. Эту идею он в частности обосновывал, опираясь на исследование особенностей близнецов, которые начал в середине 1870-х годов. В этих разработках он пытался количественно определить соотношение влияния факторов наследственности («природы») и факторов среды («питания») на формирование человека. В какой-то степени Гальтон предвосхитил некоторые идеи генетики, ибо наследование приобретённых признаков он отрицал.

Однако, по мысли учёного, природа с помощью естественного отбора действует медленно и жестоко. Поэтому, применив законы эволюционного учения к человеку, можно поставить перед ним задачу сознательного направления и ускорения своей эволюции и активно вмешиваться в ход эволюционного процесса, стремясь безболезненно достигнуть наибольшего совершенства человека как биологического вида. Таким образом, евгеника мыслилась как бы эволюционной задачей человечества. Улучшение человеческого рода Гальтон полагал возможным путём увеличения численности даровитых людей. «Если бы одна двадцатая доля стоимости и труда, которые тратятся на улучшение пород лошадей и собак, была бы затрачена на улучшение человеческой расы, какую бы галактику гениев мы могли

бы создать» - писал он⁷. В евгенике, «науке о благороднении», Гальтон видел своего рода и прикладную задачу: евгеника должна была стать для человечества определённым руководством к действию. Тем не менее, как истинный учёный, Гальтон полагал необходимым прежде всего создать строго научную, теоретическую базу евгеники, для чего осуществить широкие исследования одарённости, особенностей психики, наследственных болезней и дефектов людей (последнее стало позднее предметом медицинской генетики). Сделать же это возможно, во-первых, путём изучения личных и семейных историй, т.е. применяя генеалогический метод, и во-вторых, с помощью статистических обобщений современного материала. Гальтон сам разработал довольно подробную анкету, которую разослал многим английским учёным. Результатом проведённого анализа стала книга «Английские люди науки» (1874), обобщившая большой эмпирический материал.

Не будет преувеличением сказать, таким образом, что для изучения наследственности человека именно Гальтон обосновал и применил близнецовый, генеалогический (в современной медицинской генетике его именуя клинико-генеалогическим) и антропометрический методы, ставшие впоследствии важнейшими в антропогенетике.

Разумеется, основоположник евгеники прекрасно осознавал те трудности, перед которыми стояло практическое осуществление евгенических задач. В человеческом обществе невозможна принудительная селекция, и потому Гальтон уповал прежде всего на просвещение в духе евгенических идей – на разум, а не на силу.

Евгенику подразделяют на отрицательную (негативную) и положительную (позитивную): если первая имеет целью препятствовать бракам, могущим дать дефективное или больное потомство (крайним своим проявлением это направление имело даже жёсткие меры вплоть до ограничения иммиграции, запрета на межнациональные браки и принудительной стерилизации больных, что впоследствии сыграло существенную роль в дискредитации евгенических идей), то вторая должна способствовать бракам, дающим здоровое и одарённое потомство, поощряя рождение как можно большего числа детей. Гальтон был сторонником именно второго пути. Он считал, что более важно увеличивать продуктивность «лучшей ветви» человечества, нежели подавлять продуктивность «дурной». При этом Гальтон вовсе не был приверженцем высших социальных классов, как его неоднократно впоследствии пытались представлять: он лишь писал о разных классах вариационного ряда одарённости и в этом смысле выделял «высшие классы» – классы наиболее талантливых людей, представители которых могут принадлежать к самым разным социальным слоям.

Итак, основатель евгеники придавал наибольшее значение научным исследованиям и пропаганде евгенических идей. Тем самым в обществе должен был возникнуть своеобразный евгенический «энтузиазм», когда без помощи какого-либо евгенического законодательства люди сами смогли бы сознательно вводить евгенические принципы в свою жизнь.

Евгеника представлялась Гальтону как новый моральный долг человечества и даже как своеобразная религия будущего. Подобный романтизм был характерен для многих приверженцев евгеники, особенно в начальный период её истории. Следует отметить, что в своей последней книге Гальтон показал себя и сторонником имперской идеи по отношению к своей родине. Поскольку Британия, по его мнению, выполняет важнейшую культурно-историческую миссию для всего мира, то именно её нации высшая человеческая порода особенно необходима.

Ещё при жизни Гальтона евгенические идеи обрели в Англии немалую популярность. Возникли первые научные структуры и общества: в 1904 г. Национальная евгеническая лаборатория при Лондонском университете (Гальтоновская лаборатория), которую возглавил ученик Гальтона математик, профессор университета Карл Пирсон (1857–1936)⁸, в 1907 г. Общество евгенического воспитания в Лондоне, президентами которого были сам Гальтон, а после его смерти сын Чарлза Дарвина – Леонард Дарвин. О распространённости евгенических идей в английском обществе говорит хотя бы тот факт, что членами этого объединения являлись известные писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Пирсон основал и первый журнал по евгенике – «Евгенические анналы» (впоследствии «Анналы генетики человека»). Вскоре евгеника шагнула и за пределы Британии: аналогичные организации и общества образовались во многих европейских странах и в США, движение ширилось довольно быстрыми темпами и приобрело, наконец, международный размах.

Важно подчеркнуть, что евгеника стала также и широким общественным движением (с определённой научной «составляющей»)⁹. В общей сложности оно охватило более тридцати стран. Несмотря на то, что существовали международные координирующие организации (международная комиссия по евгенике, созывались международные конгрессы), евгеника приобрела в той или иной культурной традиции свои характерные черты. Различными были те принципы и подходы, которым отдавались предпочтения, практическое осуществление евгенических мер, даже сами масштабы движений. «Местные» особенности отразились и в соответствующих названиях этого явления: так в Германии евгеника стала именоваться «расовой гигиеной», а во Франции лидировало направление, обозначаемое термином «пуэрикультура» («гигиена детей младенческого возраста»)¹⁰. Следует подчеркнуть, что в ряде стран началось и осуществление евгенических идей на практике. Впервые евгенический закон был принят в США в 1907 г. в штате Индиана (т.н. «Индианская идея»), в соответствии с ним по решению суда могла применяться принудительная стерилизация преступников и наследственно дефективных. Подобные законы были приняты в общей сложности в 26 штатах. В соответствии с ними принудительной стерилизации подверглись более 100 тысяч человек. В Европе евгеническое законодательство закрепилось в Германии и в Скандинавских государствах. Так, в Германии цифра стерилизованных была ещё больше – более 350 тысяч. А в Скандинавских странах (Швеция и Дания) хотя стерили-

лизация и была не столь многочисленна, евгенические законы были приняты почти без сопротивления со стороны политиков и общества. Таким образом зародилось та практическая «ипостась» евгеники, от которой предостерегали многие учёные-евгенисты и которая в конечном счёте поставила евгенику под удар.

В дореволюционной России евгеника широкого признания не нашла. Хотя у Гальтона был даже русский предшественник профессор Василий Маркович Флоринский (1834–1899), опубликовавший в 1866 г. книгу «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», в которой поднял проблему гигиены брака, с целью предупреждения появления на свет больного потомства, это издание осталось практически незамеченным¹¹. Только на рубеже 1910-х – 1920-х гг. вопросы генетики и евгеники стали актуальны для отечественной науки¹². А с начала 1920-х годов евгеническое движение охватило и советскую Россию¹³. Этому всплеску способствовали два обстоятельства. Во-первых, в России к тому времени существовала мощная научная школа, как в области биологии, так и в области медицины. Работали великолепные учёные-исследователи с колоссальным творческим потенциалом, опиравшиеся на традиции активно развивавшейся русской науки, выходявшей на передовые международные рубежи. Эти учёные были возвращены ещё старой, дореволюционной наукой и прежней системой образования, они получили фундаментальную подготовку, стажировались в зарубежных научных центрах и в то же время не боялись открывать новые пути и ставить новые исследовательские проблемы. Во-вторых, в первое послереволюционное десятилетие во многом в соответствии с тогдашней футурологической идеологией приобрели большую популярность идеи создания нового человека, формирования человека будущего, совершенного и всесторонне развитого, способного осуществить ту грандиозную задачу переустройства мира, осуществление которой началось «в отдельно взятой стране». И евгеника казалась естественным и актуальным инструментом, подходящим способом для реализации этих идей. Жажда научного поиска и революционный энтузиазм 20-х годов стали катализаторами евгенического «взрыва» в новой, советской стране.

Основателями евгеники в России можно считать двух замечательных учёных. Это Николай Константинович Кольцов и Юрий Александрович Филлипченко. На их судьбах и идеях важно остановиться подробнее.

Великий учёный, биолог, основатель российской генетики Николай Константинович Кольцов (3/15.7.1872, Москва – 2.12.1940, Ленинград)¹⁴ происходил из той купеческо-промышленной среды, которая на рубеже XIX – XX вв. дала России целую плеяду выдающихся деятелей. С некоторыми из них Кольцова связывали отдалённые родственные отношения, в частности с К.С. Станиславским (Алексеевым) и с ещё одним великим учёным-генетиком С.С. Четвериковым, а также с не менее великим шахматистом А.А. Алехиным (подробнее об этом см. раздел 2). Это была очень инициативная, деятельная среда, представители которой отличались от-

ромной активностью, большим энтузиазмом не только в коммерческом плане, но и в культурной и научной деятельности, и настойчивостью в осуществлении своих целей. Можно сказать, что несмотря на благотворное, положительное влияние своей семьи, Николай Константинович Кольцов всё-таки во многом «создал» себя сам. Он получил блестящее образование: окончил в 1894 г. Московский университет, где был одним из лучших учеников выдающегося зоолога М.А. Мензбира, получил золотую медаль за дипломную работу, стал приват-доцентом (1899), прошёл стажировку в лучших научных центрах за границей в 1897 – 1899 и 1902 – 1903 гг., а в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию. При этом его отличала неистребимая тяга к знаниям – настоящая жажда к познанию нового и стремление к той всеохватности, которая отличала лучшие умы российской науки, начиная с М.В. Ломоносова. Кольцов стал подлинным учёным-энциклопедистом, круг его интересов и научных занятий был необычайно широк и охватывал многие области биологической науки. В то же время Кольцов всегда оставался гуманистом с большой буквы, он верил в человека и разделял те убеждения, которые были характерны для значительной части тогдашней либеральной интеллигенции. Важно подчеркнуть, что Кольцов был человеком очень сильного характера, огромной силы воли и абсолютной честности. По своей природе он всегда оставался нонконформистом, не желавшим мириться с тяжёлыми обстоятельствами и несправедливостью. Достаточно упомянуть, что во время революционных декабрьских событий 1905 г. в Москве Кольцов отказался в таких условиях от назначенной на январь защиты докторской диссертации (он получил докторскую степень только в 1935 г. нс, после восстановления учёных степеней в СССР). Он входил в революционный кружок под руководством П.К. Штернберга (астронома и большевика), предоставил помещение своей лаборатории для печатания листовок и сам опубликовал книжку «Памяти павших», посвящённую жертвам среди московского студенчества, доход от которой предназначался в помощь заключённым и амнистированным. Тогда произошёл конфликт Кольцова с его учителем М.А. Мензбиром (придерживавшимся скорее консервативных политических взглядов), и у Кольцова отняли лабораторию и ограничили для него преподавание. В 1911 г. Кольцов окончательно покинул стены университета в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо (тогда ушла значительная часть преподавателей, в том числе и Мензбир). К тому времени учёный уже преподавал на Высших Женских курсах (с 1903 г., куда позже пригласил и Мензбира) и в университете им. А.Л. Шанявского (с 1908 г.). Вернулся Николай Константинович в Московский университет только после Февральской революции и проработал там до 1930 г., когда ему вторично пришлось из университета уйти. В 1916 г. Кольцову предложили место академика в Императорской Академии наук с тем условием, что он переедет в Петроград и возглавит там кафедру, но Кольцов отказался. В результате он был избран членом-корреспондентом (3.12.1916), будучи только магистром зоологии (кажется, случай уникаль-

ный в истории Академии XIX – XX вв.; Кольцова выдвинут в академики на выборах 1939 г.¹⁵, но в обстановке травли его кандидатура не пройдет). Академиком РАН он так и не стал¹⁶ (в 1935 г. был избран академиком ВАСХНИЛ).

В августе 1917 г. Кольцов организовал в Москве на частные средства т.н. Общества Московского научного института небольшой поначалу Институт экспериментальной биологии. С 1 января 1920 г. Институт вошёл в ведение Наркомздрава РСФСР (вернее ГИНЗа, т.е. Государственного научного института народного здравоохранения Наркомздрава; в конце 1930-х гг. в период гонений на генетику кольцовский институт под новым названием «Институт цитологии, гистологии и эмбриологии» был переведён в подчинение Академии наук). Целью создания этого института было объединение в нём различных отраслей биологической науки, особенно важных для тогдашнего этапа её развития, на основе экспериментального метода¹⁷. Институт вскоре стал одним из ведущих научно-исследовательских центров в области биологии, причём тематика его исследований касалась наиболее насущных вопросов, находившихся на «переднем» крае развития биологической науки¹⁸. Одним из таких направлений была генетика. Кольцов сумел привлечь к работе в институте многих первоклассных учёных, например, генетический отдел возглавлял один из крупнейших специалистов в этой области Сергей Сергеевич Четвериков (1880–1959), создавший большую школу генетиков (среди его учеников, сотрудников Института, Н.В. Тимофеев-Ресовский, Б.Л. Астауров, П.Ф. Рокицкий и др.). Современный исследователь В.В. Бабков точно и очень ёмко определил характерную особенность научно-организационной деятельности Кольцова, как «борьбу за автономию науки», стремление поставить науку вне любых политических, идеологических или административных давлений.

В советский период на долю Кольцова выпали новые испытания. В 1920 г. он был арестован ВЧК по делу контрреволюционной подпольной организации «Национальный центр». Трудно сказать, насколько оно имело под собой реальные основания¹⁹. В число обвинений входило и то, что собрания организации происходили на квартире у Кольцова, а сам он являлся казначеем «центра». 20 августа обвиняемым вынесли приговор – расстрел, но они, в том числе и Кольцов, были амнистированы. Это было первое, но не последнее столкновение учёного с новой властью.

Романтик и подлинный энтузиаст науки Кольцов не мог не увлечься евгеникой, открывавшей перед человечеством, казалось, новые, светлые перспективы. Как уже говорилось, евгенические идеи оказались созвучны той грандиозной задаче создания человека будущего, которой грезили в послереволюционные годы деятели новой, советской России, и потому евгеника обрела здесь для себя благодатную почву. Весной 1920 г. Кольцов организовал в своём институте Евгенический отдел, а в октябре того же года вместе с другими деятелями биологии и медицины создал Русское Евгеническое общество, которое и возглавил в качестве председателя.

2 декабря 1921 г. Н.К. Кольцов был избран официальным представителем общества в Постоянной Международной Евгенической Комиссии²⁰. Устав Русского Евгенического общества был утверждён НКВД 6 ноября 1923 г.²¹ Основной задачей Общества была объявлена научная работа в области евгеники и расовой гигиены. Постоянным органом стал «Русский евгенический журнал», семь томов (в 25-ти выпусках) которого увидели свет в 1922–1929 гг. Журнал издавался под редакцией Н.К. Кольцова, а позднее также под редакцией П.И. Люблинского и Ю.А. Филипенко. Первый выпуск журнала открывался программной статьёй самого Кольцова «Улучшение человеческой породы», в которой очерчивался круг проблем и задач евгеники как науки и намечались пути евгенических исследований в ближайшей перспективе.

В этой работе, написанной образным стилем и великолепным художественным языком, но в то же время с позиций строгой науки, Кольцов довольно подробно характеризует особенности евгеники как отрасли теоретического знания и те сложности, которые возникают на пути практического воплощения евгенических идей. Основная теоретическая посылка Кольцова состоит в следующем: «Порода всякого вида животных и растений, а в том числе и человека, может быть изменена сознательно, путём подбора таких производителей, которые дадут наиболее желательную комбинацию признаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагородить человеческий род, это – единственный путь, идя по которому можно добиться результатов»²². «Наука об улучшении пород животных, - отмечает учёный далее, - называется зоотехнией; наука об улучшении человеческой породы, обычно называемая евгеникой, может быть названа также антропотехнией, так как она является не более, как отделом зоотехнии»²³. Не следует, однако, думать, что Кольцов придерживался столь вульгаризированного взгляда на евгенику – он писал об общих теоретических предпосылках: «по убеждению современного биолога, разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных, и что единственным методом этого разведения может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях, или те или иные социальные реформы или перевороты»; но прекрасно осознавал те трудности, которые ставят определённый барьер между евгеникой и зоотехнией. «Мы не можем ставить опытов, мы не можем заставить Нежданову выйти замуж за Шаляпина только для того, чтобы посмотреть, каковы у них будут дети», следовательно, возможен лишь путь наблюдения и описания. Но Кольцов, как истинный учёный, конечно, не мог ограничиться только изучением семейных историй, генеалогий или обработкой статистического материала («современная наука всегда стремится к тому, чтобы работать не с качествами, а с количествами»), он выдвинул и широкую программу конкретных исследований, осуществлявшихся в рамках работы Евгенического отдела и Общества. Самого Кольцова особенно занимала проблема изучения наследственных химических свойств крови животных и человека.

Этот путь виделся ему одним из наиболее перспективных в данном направлении, открывающим новые возможности научного исследования антропогенетических закономерностей. Как гуманист, Кольцов не мог не задаться вопросом о целях и идеалах евгенического движения, о тех методах, с помощью которых они могут быть достижимы, и о морально-нравственной стороне теоретической и особенно практической (а евгеника мыслилась и как прикладная наука) евгеники. Он пытается описать тип того Homo sapientissimus, которого человечество должно создать в результате евгенической работы, но самую главную проблему видит в методе осуществления подбора. И здесь учёный выступает противником отрицательной (негативной) евгеники, доказывая, что её меры (прежде всего принудительная стерилизация) не могут дать ощутимых положительных результатов для евгенических задач в целом. «При проведении подобных законов в жизнь всякая государственная власть должна быть в высшей степени осторожной и не забывать, что истребляемый при помощи стерилизации или запрещения браков недостаток есть только отдельный признак, какогенические (*отрицательные*) свойства которого в некоторых индивидуальных случаях могут с избытком покрываться наличием других евгенических признаков. Такого рода борьба с дурной наследственностью в руках неосторожной власти может стать страшным орудием борьбы со всем уклоняющимся в сторону от посредственности, и вместо евгении может привести к определённой какогении (*ухудшению*)»²⁴. И далее: «Только в очень небольшом числе случаев полной дегенерации и наследственного идиотизма показание к стерилизации может быть достаточно прочно». Гораздо важнее «положительные меры», которые ведут к увеличению потомства от наиболее одарённых людей: «Лучший и единственный достигающий цели метод расовой евгеники, это – увлечение ценных со своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одарённых выдающимися умственными или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью...» Ответственность за такую политику должно взять на себя прежде всего само общество и государство: «Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного подбора и поставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. Неразумная благотворительность приходит на помощь слабым. Разумное, ставящее определённые цели евгеники, государство должно прежде всего позаботиться о сильных и об обеспечении их семьи, их потомства»²⁵. «Та нация, которая больше других умеет ценить свои таланты и научится достаточно рано ставить их в лучшие условия существования, даст человеку наибольшее число представителей наивысшего типа...».

Кольцов рассуждает также и о евгеническом значении таких явлений истории человеческого общества, как войны и революции. В частности, признавая «величайшее благодетельное последствие революции», откры-

вающей широким слоям народа пути для самореализации в различных областях, он тем не менее отмечает и негативные её последствия в евгеническом смысле: «После революции, в особенности длительной, раса беднеет активными элементами... утратившая свои активные элементы раса вырождается, теряет свою самостоятельность, и сходит с арены прогрессивной эволюции человечества»²⁶.

Итак, взгляды Кольцова в значительной степени продолжали идеи основателя евгеники Гальтона. Как и Гальтон, он считал необходимым первоначально создать для евгеники серьёзную научную базу, а уже затем переходить к практике, как и Гальтон, отрицательно относился к запретительным и насильственным мерам, отдавая первенство просвещению, пропаганде евгенических идей и «положительной» евгенике, способствовавшей рождению улучшенного потомства. Кольцов осознавал всю грандиозность поставленной задачи, он понимал, что предстоящая огромная работа – на столетия, но цель евгеники виделась ему настолько благородной и величественной, что отношение к этой науке приобретало у Кольцова, как и у Гальтона, отчасти религиозный характер²⁷. Цитируемая статья Кольцова заканчивалась словами: «Евгеника – религия будущего, и она ждёт своих пророков».

Кольцову удалось объединить вокруг евгенической идеи учёных не только различных «специальностей», но и разных теоретико-методологических взглядов, в том числе и в рамках биологической науки. Одним из ярчайших представителей евгеники в 1920-х гг. был глава ленинградской школы генетиков Юрий Александрович Филиппченко (1/13.2.1882, с. Злынь, ныне Болховский р-н Орловской обл. – 19.5.1930, Ленинград)²⁸. Наряду с Кольцовым его с полным правом можно считать основателем евгеники в России. Жизненный путь Филиппченко не был столь бурным, как у Кольцова, в нём не наблюдалось резких падений и взлётов, но это был подлинный пример не менее жертвенного служения науке. Филиппченко происходил из семьи учёного-агронома (возможно, это и предопределило его дальнейшие научные интересы), в 1905 г. окончил Петербургский университет (по кафедре зоологии беспозвоночных), и на всю жизнь связал с ним свою судьбу. 18 сентября 1913 г. молодой Privatdozent начал читать в университете первый в России курс генетики («Эволюция и наследственность»), а в 1917 г. защитил первую по генетике докторскую диссертацию и издал первый учебник (под названием «Наследственность»). В 1918 г. профессор Филиппченко возглавил созданную им университетскую Лабораторию генетики и экспериментальной зоологии, которая вскоре была преобразована в первую в России кафедру генетики²⁹. Перу Филиппченко принадлежит целый ряд классических учебников и монографий («Изменчивость и методы её изучения», «Частная генетика. Растения и животные», «Экспериментальная зоология» и др.), он был одним из самых талантливых популяризаторов биологической науки (особенно важную роль здесь сыграла книга «Общедоступная биология», выдержавшая 12 изданий).

В 1920 г. Кольцов обратился к Филипченко с предложением сотрудничества в области евгенических исследований и первоначально они работали вместе. 28 апреля 1920 г. Филипченко даже возглавил Евгенический отдел кольцовского института³⁰. Таким образом первоначально Евгенический отдел находился вне Москвы. Но такое положение было неудобным, и несколько месяцев спустя было принято решение о самостоятельных действиях обоих учёных в Москве и Ленинграде³¹. В феврале 1921 г. Юрий Александрович организовал первоначально небольшое (сначала он один, а затем трое сотрудников) Бюро по евгенике, которое благодаря поддержке А.Е. Ферсмана (коллега Филипченко по Петергофскому естественному институту) стало структурным подразделением КЕПС РАН. Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при РАН была создана ещё до революции с целью изучения природных богатств России и ставила перед собой большей частью прикладные задачи. Уже то, что евгенические исследования организационно были подчинены именно КЕПС, недвусмысленно указывало на практический характер предполагавшейся работы.

Бюро стало издавать свой печатный орган, который первоначально назывался «Известия Бюро по евгенике», с № 4 – «Известия Бюро по генетике и евгенике» (так называлось Бюро с 1925 г.), и наконец, с № 6 – «Известия Бюро по генетике» (ещё одна смена названия Бюро произошла в 1927 г.). Всего вышло восемь номеров этого издания (с 1922 по 1930 г.). Отличие «Известий...» от «Русского Евгенического журнала» точно обозначил сам Филипченко: если в московском журнале преобладали «широкие общие статьи», то ленинградский представлял собой скорее «сухой отчёт о полученных результатах»³². Евгенические работы печатались только в первых трёх номерах «Известий...». В дальнейшем основное направление исследований было существенным образом скорректировано. В апреле 1930 г. Бюро по генетике было преобразовано в Лабораторию генетики АН СССР, а затем, в 1933 г. в академический Институт генетики. В феврале 1924 г. Филипченко возглавил Ленинградское отделение Русского Евгенического общества и стал одним из редакторов «Русского евгенического журнала».

По своим взглядам Филипченко был «классическим» учёным-генетиком. В разгоревшейся в те годы научной дискуссии с неоламаркистами он отрицал возможность наследования приобретённых признаков: вместе с известнейшим генетиком, создателем хромосомной теории наследственности Т. Морганом Филипченко написал великолепную книгу «Наследственны ли приобретённые признаки?» (Л., 1925). В области евгеники им были сформулированы следующие три задачи ставшие программой деятельности возглавляемого им Бюро: во-первых, тщательное научное изучение вопросов наследственности путём проведения анкетных опросов, обследований, экспедиций в определённые регионы и т.д.; во-вторых, распространение сведений о евгенике – популяризаторская работа; и, в-третьих, консультирование по вопросам евгеники желающих всту-

пить в брак и вообще всех интересующихся собственной наследственностью. Таким образом это был строго научный и очень сдержанный, максимально корректный подход к сложным и неоднозначно интерпретируемым евгеническим проблемам. Спокойная, уравновешенная, вдумчивая натура Филипченко противилась крайностям, вот почему он решительно выступал против каких бы то ни было резких мер, против отрицательной евгеники, а свой долг учёного видел прежде всего в кропотливой, серьёзной исследовательской работе и широкой пропаганде евгенических идей. В плане популяризации евгеники, пожалуй, ни один учёный не сделал так много, как Филипченко. Он писал: «важно знать, а всякое знание необходимо даёт плоды, так что в области евгеники всё дело сводится к знанию и к распространению этого знания»³³. Ему принадлежит целый ряд замечательных книг и брошюр, в которых ярко и доступно для широкого читателя излагаются основы евгеники: «Фрэнсис Гальтон и Грегор Мендель», «Что такое евгеника», «Как наследуются различные особенности человека», статья «Евгеника в школе» и в особенности книга «Пути улучшения человеческого рода: Евгеника» (Л., 1924), которая ждёт своего переиздания как замечательный памятник научной мысли. В ней Филипченко сформулировал главные теоретические предпосылки евгенической деятельности. Основное внимание он сосредоточил на положительной («поощрительной») евгенике, полагая, что отрицательная («ограничительная») евгеника – «это только отрицательный подбор, а он всегда и везде является фактором второго порядка». Конкретные меры, которые следовало предпринять в плане поощрительной евгеники это прежде всего охрана материнства и младенчества, поощрение рождаемости, введение начал евгенических знаний в школу и воспитание молодёжи в этом направлении»³⁴.

Евгенические исследования самого Филипченко и его сотрудников отличались тщательностью и исключительно научным подходом: он доверял только строго научным фактам, и его труды по генетике выполнены на базе огромного экспериментального материала – достаточно сказать, что одна из его лучших книг (опубликованная уже посмертно) посвящена генетике мягких пшениц, исследование которой потребовало огромного и кропотливого труда. В евгенике, конечно, эксперимент был невозможен, но Филипченко собрал, обобщил и проанализировал внушительный анкетный материал, разработав соответствующий вопросник и распространив его среди определённых категорий населения Ленинграда (всего было проведено три анкетирования). «Все наши выводы мы рассматриваем, как первое и наиболее грубое приближение к истине, - писал он: Среднее из десяти наблюдений много ценнее одного-единственного наблюдения или полного отсутствия наблюдений, хотя, конечно, ещё лучше сделать тысячу наблюдений. Но если этого сделать нельзя, то всякое число лучше его полного отсутствия»³⁵. На основании этих исследований была в частности опубликована блестящая работа Ю.А. Филипченко, подготовленная им совместно со своими аспирантами Т.К. Лепиным и Я.Я. Лусом³⁶, «Действительные члены Академии наук за последние 80 лет (1846–1924)»³⁷, и его

же статья «Интеллигенция и таланты»³⁸. В первой из них были представлены результаты комплексного исследования биографических и генеалогических данных о 150 академиках по различным параметрам, включая возраст избрания в члены РАН, продолжительность жизни, национальный состав, родственное окружение и т.д. Причём здесь же даются и родовые названия нескольких семей, давших нескольких выдающихся учёных каждая. В работе «Интеллигенция и таланты» Филипченко не только характеризует общее состояние интеллигенции в тот период, но и пишет о необходимости бережного отношения государства к интеллигенции и затрагивает, в частности, демографическую проблему, показывая сложное демографическое положение в СССР в целом. Эти работы, по сути дела, были последними трудами Филипченко, связанными с евгеникой. Открывшаяся благодаря евгеническим исследованиям картина произвела на него весьма тягостное впечатление. «Я никогда не думал найти такие яркие доказательства вырождения нашего «мозга страны»)» - писал он Н.К. Кольцову³⁹.

Учёные старой «закалки», приверженцы либеральных ценностей, Кольцов и Филипченко представляли «умеренное» крыло советской евгеники. Но были учёные, настроенные более решительно. Как правило, это были люди, разделявшие революционные взгляды или тяготевшие к ним. Для них были близки идеи марксизма, социализма и т.н. диалектического материализма, которые они пытались тем или иным образом соединить с биологией. В евгенике сформировалось два таких направления, различавшихся как по своим теоретическим установкам, так и по предлагавшимся практическим мерам – «социалистическая» евгеника и «пролетарская» (или биосоциальная) евгеника.

Наиболее ярким представителем первого направления был Александр Сергеевич **Серебровский** (6/18.2.1892, Курск – 26.6.1948, Болшево, Московская обл.)⁴⁰. Он происходил из провинциальной интеллигентной (дворянской) семьи (сын архитектора). Выпускник Московского университета (1914), ученик Кольцова, Серебровский работал во многих научных и педагогических учреждениях Москвы, его служебная биография была чрезвычайно «бурной»: в 1921 – 1928 гг. в кольцовском Институте экспериментальной биологии, с 1923 г. заведовал кафедрой птицеводства (преобразованной затем в кафедру генетики) в Московском зоотехническом институте, в 1929 – 1932 гг. заведовал лабораторией генетики в Биологическом институте им. К.А. Тимирязева при Коммунистической академии. В 1931 г. создал сектор генетики и селекции во Всесоюзном институте животноводства. Одновременно с 1928 г. был сотрудником Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом (впоследствии Медико-генетический) институте. В 1930–1948 гг. заведовал кафедрой генетики в МГУ, работал также в научно-исследовательском институте зоологии МГУ. В 1933 г. Серебровский был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1935 г. академиком ВАСХНИЛ.

Круг научных интересов Серебровского был очень широк. В области генетики именно он первым в 1926 г. сформулировал представление о

делимости гена. Учёный много занимался также вопросами селекции животных, в частности немало сил отдал изучению геногеографии кур. В то же время он был не чужд поэтического творчества и написал примечательную книгу «Биологические прогулки», в которой выразил своё глубоко одухотворённое отношение к природе.

А.С. Серебровский был одним из тех учёных, кто восторженно приветствовал грандиозные социалистические преобразования новой власти, тем более, что ещё в 1917 г., служа в действующей армии на Кавказском фронте во время Первой мировой войны, он являлся одним из руководителей Совета солдатских депутатов в городе Трапезунде. В 1930 г. Серебровский стал кандидатом в члены ВКП(б). О его идеологических воззрениях свидетельствует и тот факт, что он состоял членом Президиума Общества биологов-материалистов (позднее переименовано в Общество биологов-марксистов).

Столь бурная личная и творческая биография, большой исследовательский энтузиазм, сопряжённый с романтикой строительства «нового мира», конечно, не могли не отразиться и на его евгенических взглядах.

В евгенику Серебровский пришёл, вероятно, под влиянием Кольцова. Уже в 1922 г. в Русском Евгеническом журнале появилась его статья «О задачах и путях антропогенетики»⁴¹. Сам термин «антропогенетика» (которым Серебровский обозначал собственно науку, в отличие от практики – «евгеники») оказался очень удачным и впоследствии успешно прижился в науке (Серебровский вообще ввёл в научный оборот целый ряд терминов, в том числе «генофонд»). В этой статье учёный обозначил ближайшие задачи евгенических исследований. Это были, во-первых, детальное описание больших семей, причём не обязательно только талантливых, но и «рядовых» (Серебровский сам осуществил такое исследование на примере собственного рода). Во-вторых, тщательное изучение тех областей, где «соприкосновение рас и племён сопровождается частой гибридизацией», а также стационарное изучение определённых местностей, рассчитанное на длинный ряд лет, причём так, чтобы каждый житель «подвергся самому детальному физическому и психическому описанию» - только такая организованная, коллективная работа и сможет создать для евгеники необходимую фактологическую базу.

Помимо научных исследований внимание Серебровского привлекали также практические пути осуществления евгенической программы. Поскольку никаких специфических методов для улучшения человеческой породы в рамках позитивной евгеники создано не было, то логичным выглядело обращение к методам селекции, с успехом применявшимся в агрономии и животноводстве. В отношении взглядов Серебровского на проблему практического преломления евгенических идей наибольший интерес представляет его статья «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе», опубликованная значительно позже, в 1929 г., и невольно сыгравшая роль одного из детонаторов разгрома евгеники в СССР⁴². Признавая евгенику прикладной частью антропогенетики, Сереб-

ровский отмечал, что мутационный процесс обуславливает непрерывное изменение генофонда человечества, причём груз вредных мутаций накапливается. В результате человечеству грозит вырождение, и предотвратить это возможно путём решительных и действенных мер. Общество должно быть организовано на научной основе, благо социалистическая революция открыла для этого неограниченные возможности. Любовь следует отделить от деторождения, а для улучшения человеческой породы нужно создать банк сперматозоидов от одарённых и лишённых наследственных болезней людей для широкомасштабного искусственного осеменения. Таким образом Серебровский по сути предложил организовать селекцию человека. По его мысли, евгеника могла бы стать действенным способом повышения производительных сил страны. «Если подсчитать, какое количество сил, времени, средств освободилось бы, если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то, наверное, пятилетку можно было бы выполнить в 2 ½ года»⁴³. За это образное, в какой-то мере поэтическое выражение Серебровский подвергся уничтожающей критике (о дальнейших «отголосках» этой статьи см. раздел 3). Как видим, революционный романтизм Серебровского в практической плоскости был направлен на решение задач позитивной евгеники, доведённой до своей крайней формы – пропаганды искусственного осеменения.

Близкими к идеям Серебровского оказались взгляды на евгенику другого знаменитого учёного-генетика Германа Мёллера. Мёллер изложил их в своей книге «Выход из мрака», опубликованной в США в 1935 г., и высказал их в частном письме, адресованном самому Сталину. Здесь нужно несколько слов сказать и о самом Мёллере, чьё имя в конце 20-х годов приобрело мировую известность.

Герман Джозеф **Мёллер** (в СССР – Герман Германович) (21.12.1890, Нью-Йорк – 5.4.1967, Индианаполис), выпускник Колумбийского университета (1910), ученик Т. Моргана, прославился прежде всего тем, что в 1927 г. в своей Техасской лаборатории совершил выдающееся научное открытие. Он обнаружил мутагенное действие ионизирующих излучений, т.е. экспериментально доказал, что облучение ионизирующей радиацией приводит к возникновению мутаций. Это был один из крупнейших шагов вперёд на пути изучения наследственности⁴⁴. Открытие Мёллера получило международное признание, и в 1946 г. он был удостоен за него Нобелевской премии. В 1933–1937 гг. по приглашению Н.И. Вавилова Мёллер работал в СССР, в Институте генетики Академии наук, где заведовал отделом⁴⁵. Сотрудничеству Мёллера с советскими учёными способствовала его большая симпатия к социализму и Советскому Союзу – он вообще придерживался левых политических убеждений. В 1933 г. Мёллер был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, но после того, как в 1948 г. он обратился к Академии с открытым письмом, осуждающим разгром советской генетики, его из Академии исключили. В сентябре 1937 г. Мёллер уехал из СССР.

5 мая 1936 г. Мёллер написал письмо Сталину⁴⁶ в связи с желанием опубликовать в СССР свою книгу «Выход из мрака». В нём он подробно останавливается на том значении, которое может иметь евгеника в социалистическом обществе, противопоставляя негативную фашистскую евгенику прогрессивной, «социалистической»⁴⁷. Задачей социалистической евгеники Мёллер считает сознательный контроль над биологической эволюцией человека. Вот некоторые выдержки из этого любопытного документа:

«... генетики, принадлежащие к левому крылу, признают, что только социалистическая экономическая система может дать материальную базу и социальные и идеологические условия, необходимые для действительно разумной политики в отношении генетики человека, для политики, которая будет руководить человеческой биологической эволюцией в социально-желательном направлении. Они признают далее, что уже имеются достаточные биологические знания и достаточно разработанная физическая техника для получения весьма значительных результатов в этой области даже на протяжении нашего поколения. И они осознают, что как непосредственные, так и конечные возможности биологического порядка, открывающиеся, таким образом, при социализме, настолько превосходят биологические цели, которыми до сих пор задавались буржуазные теоретики, что последние выглядят совершенно смешными. Подлинная евгеника может быть только продуктом социализма и, подобно успехам в физической технике, явится одним из средств, которое будет использовано социализмом для улучшения жизни»⁴⁸.

«Не пустая фантазия, что посредством сочетания благоприятного воспитания и общественных и материальных преимуществ, которые может дать социализм, с одной стороны, с научным применением генетики, освобождённой от буржуазных общественных и идеологических оков, с другой стороны – возможно будет в течение лишь нескольких поколений наделить даром даже так называемого «гения» практически каждого отдельного индивидуума – поднять фактически всю массу на уровень, на котором сейчас стоят наши наиболее одарённые индивидуальности, те, которые больше всего способствуют прокладыванию новых путей жизни»⁴⁹.

«Процесс, посредством которого такой биологический прогресс может быть искусственно осуществлён при минимуме вмешательства в личную жизнь, заключается в том, чтобы дать возможность всем людям, желающим принять участие в производстве детей, обладающих наилучшими генетическими свойствами, получить соответственный воспроизводительный материал для использования посредством искусственного обсеменения»⁵⁰.

«Всё вышеизложенное представляет собою совершенную антитезу «чистоте расы» и так называемой «евгенике» национал-социалистов и им подобных, которые создают искусственную иерархию рас и классов, клеймя как низшие тех, которых капитализм хочет угнетать, и выступая против них с ножом стерилизации и ограничения. Социальный путь, наоборот,

является позитивным и стремится к обильному воспроизводству, которое комбинирует высшие черты одарённости каждой расы, как это происходит в бесклассовом обществе. Он не проводит гнусного различия между человеком и его соседом, потому что генетический материал, который он распространяет для совершенно добровольного использования, получается из столь исключительных источников, что физически все будут рады признать его выдающуюся ценность. Многие матери завтрашнего дня, освобождённые от оков религиозных предрассудков, будут горды смешать свою плазму с плазмой Ленина или Дарвина и дать обществу ребёнка, наследующего их биологические качества»⁵¹.

Из этих цитат очевидно, что Мёллер пытался вывести евгенику из-под удара, когда она уже ассоциировалась с фашизмом, и, как и Серебровский, поддерживал идею искусственного осеменения в качестве основного практического метода евгеники при социализме. Но если идеологи социалистической евгеники стояли на строгих позициях научной генетики, то создатели евгеники пролетарской принадлежали совсем к другому направлению биологической мысли. Это был неоламаркизм, дискуссии вокруг которого особенно разгорелись в те же годы. Задача создания нового человека ставила на повестку дня важный вопрос о взаимном соотношении наследственности и влияния среды в формировании человека, о том, может ли среда воздействовать на наследственность и могут ли, соответственно, передаваться по наследству приобретённые признаки. Как известно, идею о наследовании таких признаков высказывал ещё великий биолог рубежа XVIII – XIX вв. Ж.-Б. Ламарк, и потому последователей этого направления называют ламаркистами. Неоламаркизм был одной из весьма удобных форм, в рамках которой можно было осуществить синтез биологии и марксистской идеологии, поэтому многие молодые биологи марксисты придерживались неоламаркистских взглядов (В.Н. Слепков, С.Г. Левит и др.). Группировались они в основном вокруг Коммунистической Академии и Общества биологов-материалистов (впоследствии называвшегося Обществом биологов-марксистов), созданного в 1926–1928 гг.⁵² Именно в русле неоламаркизма, т.е. идеи о наследовании приобретённых признаков, и возникла «пролетарская» евгеника.

Наиболее ярким её адептом стал очень талантливый и разносторонний учёный Михаил Васильевич **Волоцкой** (25.4.1893, Ростов Ярославской губ. – 4.10.1944, Москва, похоронен на Ваганьковском кладбище)⁵³. Сын учителя городского начального училища, Волоцкой происходил из старинного, но незнатного русского дворянского рода. В 1918 г. он окончил естественное отделение физико-математического факультета МГУ, где учился у знаменитого антрополога Д.Н. Анучина. После окончания университета был оставлен Анучиным при кафедре антропологии и географии. «Служебная» биография Волоцкого чрезвычайно насыщена. Он работал во многих научно-исследовательских и высших учебных заведениях, в том числе в Научно-исследовательском Институте антропологии и на кафедре антропологии Московского университета, в Государственном Центральном

институте физической культуры Наркомздрава, в Первом и Втором Московских медицинских институтах, Медико-генетическом институте им. Горького и других учреждениях. В 1935 г. Квалификационной комиссией Наркомпроса он был утверждён в звании старшего научного сотрудника, 1 февраля 1938 г. Учёным Советом МГУ ему присвоили степень кандидата биологических наук без защиты диссертации, а 23 апреля 1940 г. ВАК утвердил его в звании доцента. Скончался учёный в результате несчастного случая.

Волоцкой занимался широким спектром антропологических исследований, главным образом, в области морфологии и антропометрии кисти, и индивидуальной, наследственной и географической изменчивости папиллярного рельефа человека (пальцы, ладони, стопы). Он внёс большой вклад в дерматоглифику (основателем которой был Фрэнсис Гальтон), в частности ему принадлежит ряд терминов, закрепившихся в этой науке.

С начала 1920-х годов Волоцкой принимал деятельное участие в евгеническом движении. Он являлся сотрудником Евгенического отдела кольцовского Института, а также некоторое время был секретарём, а затем казначеем Русского Евгенического общества. Ему принадлежит целый ряд евгенических работ, в том числе «Поднятие жизненных сил расы: Новый путь» (М., 1923); «Классовые интересы и современная евгеника» (М., 1925); «Система евгеники как биосоциальной дисциплины» (М., 1928) и др.

Волоцкой не отрицал генетики, напротив, он придавал ей большое значение в исследовании наследственности человека, но полагал также, что вероятно возможность наследования приобретённых признаков, следовательно, важное место отводил роли социальной среды. В своём докладе «Спорные вопросы евгеники, состоявшемся в Кружке биологов-марксистов при Комакадемии 7 декабря 1926 г.⁵⁴ Волоцкой, критикуя буржуазную евгенику (которая служит интересам буржуазии, а необходима евгеника пролетарская), обосновывал идею об изменении признаков организма под влиянием определённых внешних воздействий. Он полагал, что полученные изменения могут передаваться по наследству двум-тём ближайшим поколениям, после чего возможен возврат признака к исходной форме в случае прекращения воздействия вызвавшего его внешнего агента. Явление такого рода наследственной изменчивости он назвал «длительной модификацией» (или «филогенетическим фенотипом»). Таким образом, длительное воздействие внешних, социальных условий может привести к наследованию новоизменённых признаков, а значит, улучшение среды (оздоровление быта, развитие физкультуры, борьба с профессиональными заболеваниями, санитарно-гигиеническая работа и т.д.)⁵⁵ способно улучшить и человеческую природу. Влияние социальных условий на биологические признаки и легло в основу биосоциальной евгеники.

Другой важнейшей особенностью евгенических взглядов Волоцкого была его пропаганда отрицательной евгеники, вплоть до применения насильственной стерилизации, как способа предотвращения размножения наследственно дефективных. Но если крайность положительной евгеники,

идея об искусственном осеменении, пользовалась некоторой, пусть небольшой, популярностью, то крайность евгеники отрицательной, идея о насильственной стерилизации, не нашла поддержки у отечественных евгенистов. Свои взгляды на этот вопрос Волоцкой изложил в ряде публикаций, в т.ч. в работе «Поднятие жизненных сил расы. Один из практических путей» (второе издание – М., 1926). Здесь он подробно описывал историю «стерилизационного» движения, анализировал последствия половой стерилизации и предлагал примерный план подготовительных работ к проведению в жизнь стерилизационной программы в СССР. Стерилизацию наследственно дефективных Волоцкой и считал практическим путём «поднятия жизненных сил расы».

Публичные выступления Волоцкого с идеями стерилизации, а затем и биосоциальной евгеники вызывали острые дискуссии. Генетики, как правило, отрицательно относились и к негативной евгенике и, разумеется, к неолитаризму. Вот, например, высказывания, прозвучавшие по поводу доклада Волоцкого на заседании Русского Евгенического общества 30 декабря 1921 г., где он излагал свою «отрицательную» программу⁵⁶.

Т.И. Юдин: «В своих работах я считаю стерилизацию не безнравственной, а преждевременной мерой. Мы ещё слишком мало изучили законы наследственности и потому совершенно не знаем, кого следует стерилизовать. ... Вообще надо прежде какого-либо решения об изъятии потомства человека из человечества изучить его гибридологическую формулу. Только тогда, когда мы хоть сколько-нибудь приблизимся к решению этой формулы, можно будет перейти к практической евгенике, а до этого времени всякие меры, в том числе и стерилизация, оказываются необоснованными научно-генетически, и потому вместо пользы могут принести вред обществу и человечеству».

Г.И. Россолимо: «Между тем число всякого рода дегенератов столь велико и дегенеративные конституции переплетаются с такой пестротой и в таких сложных комбинациях, что остаётся, при желании обезвредить потомство, либо истребить половину человеческого рода, либо ждать того времени, когда изучение дегенерации приведёт к более прочным положениям. Я бы предпочёл последнее.... Вопрос ещё не разработан, будучи по отношению к человечеству крайне сложным и запутанным».

Н.К. Кольцов: «метод стерилизации может служить подсобной практической мерой евгеники лишь в редких случаях полной и очевидной конституционной дефективности. Было бы в высшей степени опасным применение этой меры к менее очевидным случаям дефективности – как-то к туберкулёзным, эпилептикам, алкоголикам, а тем более к таким типам, которые при современном социальном строе кажутся социально-дефективными, доступными, но при иных условиях могут оказаться – по крайней мере по отношению к некоторым своим наследственным свойствам – высокоценными производителями. Если ещё можно было бы обсуждать вопрос о стерилизации Елизаветы Смердящей, то стерилизация Каина, от которого, по библейской легенде, пошли первые ремесленники и горожане, было бы проявлени-

ем величайшей близорукости и узости. В зоотехнии метод устранения слабых от произведения потомства играет ничтожную роль в сравнении с подбором лучших, наиболее ценных производителей, и таково же должно быть соотношение между обоими этими методами в практической евгенике».

Идеи Волоцкого о биосоциальной евгенике подверглись критике и со стороны ряда биологов-марксистов, например, Г.А. Баткиса, по сути отрицавшего евгенику (и вообще какую бы то ни было существенную роль наследственности), выражавшую, по его мнению классовые интересы, и заменившего её положительную программу социальной гигиены⁵⁷. Подобные взгляды, кстати, в какой-то степени обусловили то большое значение, которое придавалось в СССР развитию физкультуры, спорта, улучшению бытовых условий, массовым санитарно-гигиеническим мероприятиям и т.п.

Но наиболее жёсткую критику неоламаркизма предприняли генетики, и прежде всего Ю.А. Филипченко и А.С. Серебровский. Во многом под влиянием последнего некоторые из бывших сторонников ламаркистских воззрений, как например, С.Г. Левит, перешли на позиции генетики. Этому способствовало и открытие Г. Мёллером в 1927 г. мутагенного влияния рентгеновских лучей, о чём была опубликована Серебровским статья в «Правде». Открытие Мёллера нанесло сильный удар по неоламаркизму и практически свело на нет его существование в рамках науки.

Приведённые примеры показывают разнообразие теоретико-методологических воззрений учёных, обратившихся к евгенике в 1920-х гг., и это, конечно, свидетельствует о большой популярности данного направления в тогдашнем научном мире, но важно подчеркнуть, что вокруг евгеники объединились не только биологи (прежде всего биологи-генетики), но и учёные других специальностей. Ведь изучение наследственности человека требовало совместных усилий многих специалистов, а планы исследований отличались масштабностью. Здесь чувствовался настоящий кольцовский «размах».

Вот, например, какие задачи ставил перед собой (и осуществлял их!) Евгенический отдел кольцовского Института⁵⁸. Экспериментальные и антропометрические исследования: нормальные конституции человека (в 1925 г., например, было проведено свыше 100 таких наблюдений), типических физиономических особенностей, наследственной изменчивости формы черепа (эти направления, как и всю работу отдела в целом, курировал В.В. Бунак), фенотипов окраски волос по данным спектрофотометрического анализа, типов пигментации радужной оболочки глаз (Г.В. Соболева), наследственности пальцевых узоров (М.В. Волоцкой, Г.В. Соболева), изучение близнецовости («близнецства») (этим занималась прежде всего Г.В. Соболева. За 1925 г., например, она обследовала 105 пар близнецов; результаты этой работы были изложены в совместной с В.В. Бунаком статье, опубликованной в «Русском Евгеническом журнале»). В последние годы своего существования сотрудники отдела изучали в основном наследственность глухоноты и заикания (Г.В. Соболева) и наследственное предрасположение к эндемическому зобу (В.В. Сахаров). В 1928–1929 гг.

проводились исследования «размножаемости» заводских рабочих, для чего была разработана анкета, распространённая на многих заводах. Были также организованы работы по генетическому обследованию студентов московских вузов.

Отдел провёл несколько экспедиций: летом 1921 г. в Среднее Поволжье две экспедиции для изучения биологических особенностей черемисов (марийцев) и мордвы, летом 1923 г. экспедицию для обследования генетических особенностей евреев в г. Могилёве, а летом 1929 и в 1930 гг. экспедиции в Узбекистан для изучения эндемического зоба. Последняя экспедиция, в Златоуст, состоялась в 1931 г.

И это при том, что отдел был совсем небольшим, в разные годы в нём работало всего по 3–4 сотрудника. Как уже говорилось, в течение второй половины 1920 г. Евгенический отдел возглавлял живший в Ленинграде Ю.А. Филипченко, а с 1 декабря 1920 г. его сменил В.В. Бунак⁵⁹. В Евгеническом (Антропогенетическом) отделе в разные годы работали также Г.В. Соболева, М.В. Волоцкой, В.В. Сахаров, Н.В. Попов, в исследованиях отдела принимал участие О.В. Николаев. «Костяк» отдела составляли антропологи, выпускники Московского университета.

Один из крупнейших отечественных антропологов, Виктор Валерианович **Бунак** (10/22.9.1891, Москва – 11.4.1979, там же) был, как и многие упоминающиеся в этой статье, абсолютно уникальным учёным. Сын потомственного дворянина, в 1912 г. он окончил Московский университет по естественному отделению физико-математического факультета (ученик Д.Н. Анучина), а затем преподавал на кафедре антропологии (профессор МГУ с 1925 г.). В ноябре 1922 г., когда при факультете был создан Научно-исследовательский институт антропологии, В.В. Бунак стал одним из четырёх его первых «действительных членов», а после смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. возглавил институт. Одновременно с 1920 по 1927 г. он руководил Евгеническим отделом кольцовского Института. Виктор Валерианович, разумеется, самым активнейшим образом участвовал в работах отдела и в деятельности Русского Евгенического общества. Среди его исследований тех лет, в частности, изучение антропологических типов различных народов и этнических групп: мордвы, марийцев, донских казаков, евреев – именно он руководил соответствующими экспедициями отдела. В 1927 г. В.В. Бунак возглавил Центральное антропометрическое бюро при Государственном институте социальной гигиены Наркомздрава (одновременно заведя кафедрой антропологии МГУ). С 1933 по 1948 г. он руководил лабораторией морфологии человека Института антропологии МГУ, а позднее являлся старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР.

Научные исследования В.В. Бунака охватывают огромный круг научных проблем и поражают своим размахом. Он внёс большой вклад в различные области антропологии, а для некоторых направлений его труды стали основополагающими. Сложно даже перечислить все сферы его интересов: это морфология человека и антропометрия, антропогенетика и этническая

антропология, проблема происхождения человека и практическая антропология. Он оставил фундаментальные работы по конституции и пропорциям человеческого тела, физическому развитию человека, разработал и внедрил новые методы антропометрических исследований и обработки массовых антропометрических данных. Ему принадлежит ставшая классическим пособием книга «Антропометрия: практический курс» (М., 1941). Сторонник синтеза научных методов, той установки, которая так характерна была и для Н.К. Кольцова, В.В. Бунак стремился использовать в антропологии методы других наук: биохимические, физиологические, спектроскопические, что существенно расширило возможности самой этой науки.

Учёный изучал эволюционные особенности строения черепа человека, опубликовав в частности важнейшую в этом плане работу «Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас» (1959 г.), его стопы и других признаков. Занимался проблемой происхождения речи. Внёс крупный вклад в теорию расоведения (здесь особенно выделяется работа «Раса как историческое понятие» (1938 г.)), методологию расового анализа, популяционную антропологию, в изучение антропологического состава народов СССР: русских (редактор и автор нескольких глав фундаментального труда «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным» (1965 г.)), украинцев, белорусов, народов Кавказа, финно-угров (в частности мордвы). Внедрение антропологических данных в практическую жизнь также было одним из аспектов деятельности В.В. Бунака. Именно он стал организатором и руководителем первых в Советском Союзе работ по антропометрическому обоснованию государственных стандартов на одежду, обувь и т.д. И это далеко не все проблемы и вопросы, которыми занимался В.В. Бунак. Важно подчеркнуть, что многие из них исследовались им как раз в то время, когда он являлся сотрудником кольцовского института и руководил работой Евгенического отдела.

К числу выдающихся научных трудов принадлежит и последняя книга В.В. Бунака, опубликованная уже посмертно – «Род Homo, его возникновение и последующая эволюция» (М., 1980). В ней он во многом подвёл итог своих исследований в области антропогенеза, обобщил и проанализировал колоссальный фактический материал и выдвинул ряд оригинальных гипотез. Книга стала примером комплексного научного подхода к проблеме изучения человека, своего рода опытом синтеза разных наук и методов. Оригинальность интерпретаций и выводов, не традиционность мышления, научная смелость и стремление к новизне – все эти характерные черты научного «стиля» В.В. Бунака, неоднократно отмечавшиеся его современниками и учениками, во многом роднят его с Н.К. Кольцовым, поэтому не приходится удивляться их плодотворному творческому содружеству.

Антрополог Гали⁶⁰ Васильевна Соболева (1896, Москва – 1958, Москва), дочь харьковского профессора медицины, училась на Высших женских курсах, в 1922 г. окончила естественное отделение физико-математичес-

кого факультета МГУ. Работала в Институте экспериментальной биологии с 1 февраля 1921 г. в течение десяти лет. В отделе Гали Васильевна занималась самыми разнообразными генетическими и антропологическими исследованиями, в том числе изучением близнецов (была, кстати, автором соответствующей статьи в первом издании «Большой Советской энциклопедии»). В 1924 г. по совместительству Соболева стала научным сотрудником Научно-исследовательского института антропологии при МГУ, с которым впоследствии связала свою дальнейшую научную судьбу. С 1929 г. некоторое время она также являлась сотрудником Медико-биологического института.

Генетик Владимир Владимирович Сахаров (15/28.2.1902, Симбирск – 9.1.1969, Москва), сын агронома, в 1926 г. окончил педагогический факультет II МГУ, по специальности врач-терапевт⁶¹. С сентября 1927 г. сотрудник Института экспериментальной биологии (проработал в нём до 1948 г.), один из учеников Кольцова и Четверикова. Сахаров занялся евгеническими исследованиями ещё в начале 1920-х годов. В этой области он подготовил работу «О наследовании музыкальных способностей», опубликованную в Русском Евгеническом журнале в 1924 г., а одновременно вместе с А.С. Серебровским занимался изучением мутаций у дрозофил. В 1928 г. молодой учёный проводил обследование психических способностей учащихся в различных школах 1-й и 2-й ступени Москвы. Кроме того предполагалось, что «В.В. Сахаров будет обследовать психические способности стариков до и после омоложения»⁶². На рубеже 20-х – 30-х годов Сахаров принимал участие в узбекистанских и златоустинской экспедициях по изучению эндемического зоба. В результате им были сделаны важные выводы о наследственной обусловленности этого заболевания и влиянии факторов внешней среды, изложенные в статье «Генетический фактор в этиологии эндемического зоба». В 1932 г. Владимир Владимирович совершил одно из выдающихся научных открытий – открытие мутагенного эффекта химических соединений, получив искусственное изменение наследственности с помощью 10% йодистого калия. Таким образом, именно он заложил основу эры химического мутагенеза.

После разгрома генетики в 1948 г. В.В. Сахарову пришлось «переквалифицироваться» в ботаники. С 1950 г. он преподавал на кафедре ботаники в Московском фармацевтическом институте (заведовал кафедрой другой крупный генетик А.Р. Жебрак). В этот период Сахаров продолжал начатые им ещё ранее работы по изучению и созданию полиплоидов лекарственных и пищевых растений, оставив и в этой области заметный след. В генетику он вернулся в период «оттепели». С 1957 г. возглавлял лабораторию радиационной генетики Института биологической физики АН СССР, в 1966–1967 гг. заведовал лабораторией полиплоидов Института общей генетики, в 1967–1969 гг. – лабораторией Института биологии развития АН СССР. Кроме того вёл и преподавательскую работу (профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева в 1965–1969 гг.). Он был одним из тех учёных, благодаря которым традиция научной гене-

тики не прервалась в нашей стране. Последней его работой стала замечательная книга «Организм и среда» (1968), в которой он подвёл итог своим размышлениям в области философских проблем биологии.

Специалист в области судебной медицины и гематологии, Николай Владимирович Попов (1894 – 1949) окончил медицинский факультет Московского университета в 1917 г., работал там же на кафедре судебной медицины под руководством профессора П.А. Минакова. С 1 октября 1925 г. по 15 октября 1927 г. являлся ассистентом Евгенического отдела, «оставил службу» вследствие назначения профессором Смоленского университета, где возглавил кафедры судебной медицины и биохимии. В 1932 – 1939 годах Н.В. Попов был первым директором Научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава и заведующим объединённой кафедрой судебной медицины 1-го и 2-го Московских медицинских институтов, а одновременно (с 1937 г.) – Главным судебномедицинским экспертом Наркомздрава, С 1939 г. и до конца жизни Николай Владимирович заведовал кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института.

Учёный внёс большой вклад в развитие отечественной судебной медицины, он стал создателем судебной гематологии, занимался вопросами переливания крови, что во многом способствовало успешному применению переливания крови в период Великой Отечественной войны, написал учебники по судебной медицине для юридических и медицинских вузов. Под его общей редакцией в 1938 г. увидело свет первое советское руководство по судебной медицине «Основы судебной медицины», созданное коллективом авторов. В Институте экспериментальной биологии Н.В. Попов, в частности, занимался исследованиями крови, которые Н.К. Кольцов считал особенно важными для изучения наследственности человека. Одна из работ Попова, опубликованная в «Русском Евгеническом журнале»⁶³, была посвящена критическому разбору работ Г.В. Сегалина и других авторов «Клинического архива гениальности и одарённости», пытавшихся связать одарённость с душевными заболеваниями и ставивших задачу изучения патологии «гениально-одарённой личности» и патологии творчества (это направление Сегалин предложил назвать «эвропатологией»). Попов подробно рассматривает теоретические основания этих исследований, в том числе, разумеется, и биологические, и, что особенно существенно в контексте исторической науки, указывает на многочисленные ошибки биографического и генеалогического характера, на основании которых делались определённые выводы⁶⁴.

Хирург-эндокринолог Олег Владимирович Николаев (20.2.1903, Казань – 1980), сын профессора медицины, окончил медицинский факультет I МГУ в 1924 г. и ординатуру. В 1927 г. стал сотрудником Института экспериментальной биологии, где занял должность заведующего экспериментально-хирургической лабораторией. Одновременно заведовал зобно-хирургическим кабинетом отдела социальной эндокринологии Института экспериментальной эндокринологии, а с 1931 по 1974 г. возглавлял его хирургическое

отделение. Доктор медицинских наук (1938), профессор (1941). В период Великой Отечественной войны О.В. Николаев возглавлял отделение Центрального института нейрохирургии (сделал более 500 операций); по поручению своего учителя Н.Н. Бурденко руководил клинической группой по испытанию отечественного пенициллина во фронтовых условиях. Он внёс очень существенный вклад в хирургическое лечение заболеваний эндокринных желёз, разработав ряд новых методик; в организацию эндокринологической службы в Советском Союзе, сыграл ключевую роль в организации всеобщего йодирования соли в СССР.

Работая в кольцовском институте, Олег Владимирович занимался изучением эндемического зоба, он принимал участие в экспедициях в Узбекистан и на Южный Урал, где, в частности, провёл ряд операций (впоследствии он являлся научным руководителем многих других экспедиций подобного рода). Данная проблема стала одной из основных в научной работе Николаева; ей он посвятил докторскую диссертацию («Материалы к патогенезу и этиологии эндемического зоба») и ряд публикаций, в том числе книгу «Эндемический зоб» (М., 1949, 1955).

Опыт работы Евгенического отдела показывает, что даже небольшими силами, но силами первоклассных учёных можно буквально в течение нескольких лет развернуть и осуществить самые широкие и разнообразные исследования. Впрочем, это была особенность всего кольцовского института (штатных сотрудников в нём было не так много, а значительную часть должностей занимали совместители, но активно работавшие по программам института), имевшего необычайно высокую научную продуктивность. В этом сказывалась и сама удивительная личность Николая Константиновича, умевшего увлечь новыми идеями и исследованиями, объединить талантливых и деятельных людей в изучении различных проблем; широта его интересов и масштабность замыслов.

В не меньшей степени всё это касалось и Русского Евгенического общества, ставшего заметным явлением и научной и общественной жизни того времени⁶⁵. Только в первый год своего существования Общество объединило свыше 80-ти членов, и его состав в дальнейшем расширился (к 1925 г. число членов Общества достигло 150 человек). Оно охватило несколько крупных региональных научных центров. Так, в 1922–1923 гг. профессор Гигиенического института Медакадемии УССР Николай Николаевич Костямин организовал отделение Общества в Одессе⁶⁶. В 1923–1924 гг. было образовано Саратовское Евгеническое общество, которое возглавил известный психиатр, профессор Михаил Павлович Кутанин⁶⁷. Впоследствии оно стало отделением Русского Евгенического общества (членами правления Саратовского общества были, кстати, будущий президент ВАСХНИЛ Г.К. Мейстер и будущий вице-президент АН СССР А.А. Богомолец)⁶⁸. В 1924 г., как уже говорилось, было создано отделение Общества в Ленинграде под руководством Ю.А. Филипченко. При Обществе была организована также «специальная комиссия по изучению еврейской расы».

Руководство обществом первоначально осуществляло Бюро в составе Н.К. Кольцова (председателя общества), Т.И. Юдина, В.В. Бунака, Н.В. Богоявленского и А.С. Серебровского. В марте 1923 г. было образовано правление в составе: председателя Н.К. Кольцова, заместителя председателя – В.В. Бунака, секретаря – М.В. Волоцкого, членов правления д-ра Т.И. Юдина и д-ра А.Н. Сысина⁶⁹, кандидатов в члены: А.С. Серебровского, профессора Московского университета, правоведа А.М. Винавера и проф. Н.В. Богоявленского. С 1924 г. Волоцкой стал казначеем Общества, а секретарём стал В.В. Сахаров.

Общество собиралось на свои заседания обычно раз в две недели (по пятницам, собрания проходили или в Институте или в Доме учёных на Пречистенке). К 1925 г., например, состоялось более 50-ти заседаний. К сожалению, не все доклады, прозвучавшие на них, были опубликованы. Но даже перечень некоторых производит внушительное впечатление и разнообразием проблем и широтой научных подходов. Вот только несколько тем из отчёта первого года работы общества: Н.К. Кольцов «О наследственных свойствах крови», Т.И. Юдин «О близнецах и их значении в теории наследственности», В.В. Бунак «Война как биологический фактор в жизни современного общества», Г.В. Соболева «Критический реферат статьи проф. Васильева о причинах падения античной культуры», М.Н. Гернет «Плодоизгнание с социальной и юридической точки зрения», Т.И. Юдин «О движении народонаселения в период мировой войны», С.Я. Рабинович «О монголизме», Т.И. Юдин «Программа курса евгеники» и др. Среди статей, опубликованных в Русском Евгеническом журнале можно видеть, например, такие работы: Т.И. Юдин «Учение о конституциях в патологии и его значение для евгеники», М.В. Волоцкой «Антропотехнические проекты Петра I (историческая справка)», А.Г. Галачьян и Т.И. Юдин «Опыт наследственно-биологического анализа одной маньякально-депрессивной семьи», Б.Н. Маньковский «К наследственности параксимального паралича», В.В. Бунак «К антропометрической характеристике потомства сифилитиков», Т. Морган «Наследственность у человека» и мн. др. На страницах журнала печатали рефераты наиболее интересных зарубежных изданий по генетике и евгенике (чему в немалой степени способствовали личные связи самого Кольцова и его поистине всемирная известность), программы зарубежных евгенических обществ, обзоры евгенического движения в мире. Список учреждений и лиц, с которыми редакция «Русского Евгенического журнала» предполагала установить обмен изданиями и оттисками охватывает Германию (12 позиций), Австрию (6), Италию (6), Францию (8), Англию (5), Голландию (5), Бельгию (4), Швецию (6), Польшу (14), США (10), Испанию (2), Чехословакию (3), Данию, Норвегию, Венгрию, Югославию, Латвию, Литву, Финляндию, Кубу, Аргентину, Индию⁷⁰.

Самой замечательной особенностью отечественной евгеники было объединение в общем исследовательском пространстве специалистов самых разных наук, как естественных, так и гуманитарных. Это также было одним из проявлений кольцовского гения. Ему удалось создать настоящий

полидисциплинарный синтез, который он считал одним из главных условий успешного развития науки. Евгеническое движение объединило не только биологов, медиков, антропологов, психиатров, но и гуманитариев: юристов, демографов, историков, генеалогов – привлечение которых Кольцов считал одной из наиболее насущных задач. И действительно, если хотя бы кратко перечислить наиболее активных деятелей общества, авторов научных докладов и статей, очертить круг обсуждавшихся вопросов и проблем – мы увидим замечательное содружество учёных, ставивших перед евгеникой самые широкие не только биологические, но и социально-культурные задачи. Причём из каждой области это были первоклассные специалисты, удивительное созвездие имён первой величины. Так, например, в состав Общества входил великий антрополог, академик Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923)⁷¹. В деятельности общества принимали участие такие известные учёные, как Алексей Иванович Абрикосов (1875–1955), Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927), Григорий Иванович Россолимо (1860–1928), Дмитрий Дмитриевич Плетнёв (1873–1941, расстрелян). На заседаниях можно было увидеть наркома здравоохранения Н.А. Семашко. Большой интерес к деятельности Общества проявляли также А.В. Луначарский⁷² и М. Горький, поддерживавшие Кольцова. На первых порах Общество пользовалось определённым расположением властей, в лице того же Наркомздрава – евгенические задачи казались актуальными новому режиму. Лучшие научные силы оказались вовлечёнными в евгеническое движение. О популярности евгенических идей говорит хотя бы тот факт, что в знаменитой повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» профессор Ф.Ф. Преображенский предпринимает свой эксперимент именно с евгенической целью(!). «Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвала...» – признаётся он доктору Борменталю⁷³. Смелый опыт булгаковского героя оказался неудачным – обречённой на неудачу представлялась писателю и задача создания нового, «улучшенного» человека, провозглашённая новой властью.

Среди ярких деятелей Русского Евгенического общества выделялась также фигура профессора Тихона Ивановича Юдина (1879–1949). Это был один из выдающихся отечественных психиатров. Выпускник медицинского факультета Московского университета, работал в его психиатрической клинике, а также некоторое время в Харьковской и Московской (позднее имени П.П. Кащенко) психиатрических больницах. С 1924 по 1932 г. был профессором психиатрии Казанского университета, в 1932 – 1937 гг. руководил Клиническим институтом Всеукраинской психоневрологической академии и являлся её вице-президентом, а в 1937 – 1943 гг. возглавлял Украинский психоневрологический институт в Харькове и одновременно работал во 2-м Харьковском медицинском институте (заместитель директора института по науке). С 1943 г. Тихон Иванович заведовал кафедрой психиатрии в Московском медицинском стоматологическом институте.

Т.И. Юдин стал основателем клинической генетики психических заболеваний. Он изучал наследственное предрасположение к психическим болезням, широко используя генеалогический метод, провёл генетический анализ психопатических конституций и установил их наследственную связь с психозами, занимался вопросами взаимодействия факторов наследственности и среды, исследовал популяционную частоту наследственных психических заболеваний, в том числе шизофрении. Среди важнейших работ Юдина диссертация «Наследственность душевных болезней» (1922), книги «Психопатические конституции» (М., 1926), «Очерки истории отечественной психиатрии» (М., 1951).

Тихон Иванович Юдин опубликовал также популярную книгу о евгенике: «Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека» (М., 1925), в 1928 г. вышедшую вторым изданием с подзаголовком: «Конституциональная гигиена и профилактика». В этой работе Юдин даёт подробный обзор истории евгеники в мире и в советской России (он был одним из самых знающих в этой области учёных) и даже публикует основные положения программ иностранных евгенических обществ (Английского, Американского, Норвежского и Немецкого общества расовой гигиены), рассматривает теоретические основы и методы евгенических исследований (особенно подробно генеалогический, с привлечением и таких классических для генеалогии трудов, как работы О. Лоренца и С. Кекуле фон Страдоница), характеризует конкретные практические шаги в области евгеники. При этом он отмечает, что «реакционность» евгеники зависит от направления, в соответствии с которым используются её данные, а не от самих этих данных. Естественно, для Юдина (как и для Кольцова, Филипченко и других отечественных евгенистов) приемлема только «созидательная» евгеника, а основной путь – «евгеническое воспитание». В духе времени Юдин пытался придать евгенике и чисто практическое значение, особенно актуальное для социалистического общества: «Задача евгеники в социалистическом обществе будет состоять в обеспечении народного хозяйства самым разнообразным человеческим материалом, в наилучшем использовании всех созидательных способностей и в возможном освобождении человечества от пассивного неработающего элемента, в рационализации подбора человеческого материала, при котором при минимуме затраты сил достигался бы максимум социальных благ»⁷⁴.

В 1925 г. к Русскому Евгеническому обществу подключился известный ленинградский юрист Павел Исаевич Люблинский (1882, Гродно – 20.12.1938, Ленинград). Письмом Н.К. Кольцову от 4 октября 1925 г. он подтвердил «свою готовность вступить в число редакторов «Русского Евгенического журнала». «Я около 15 лет интересуюсь вопросами евгеники и буду рад способствовать освещению социальных и правовых проблем, связанных с евгеническим движением» - писал он⁷⁵. П.И. Люблинский окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени в 1904 г. и был оставлен там же при кафедре уголовного права (одновременно являлся хранителем Кабинета уголовного права на

факультете). В 1907 г. защитил магистерскую диссертацию «Свобода личности в уголовном процессе». Впоследствии преподавал не только на юридическом факультете университета, но и на Высших женских курсах (профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства), а уже в послереволюционный период также в Юридическом институте (заведовал кафедрой уголовного процесса), Педагогическом институте им. А.И. Герцена. Был участником Международных конгрессов криминалистов. После 1917 г. активно включился в новую жизнь, являлся научным руководителем социально-правового отдела при Ленинградском Институте охраны материнства и младенчества, участвовал в работе по реформе законодательства о детях в комиссии при Совнарком.

П.И. Люблинский обладал разносторонними знаниями и занимался многими научными и общественными проблемами, оставив обширное наследие. Много внимания он уделял вопросам охраны детства и борьбы с детской преступностью и действиями, как он называл их, «красовых ядов», т.е. алкоголя, сифилиса и т.п. При этом он анализировал и международный опыт в этой области. В числе работ Павла Исаевича по данной тематике можно назвать: «Суды для несовершеннолетних в Америке и Западной Европе» (1908), «Суды по делам несовершеннолетних в России» (1910), «Государственная опека и принудительное воспитание детей в Англии» (1911), «Война и детская преступность» (1916), «Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте» (1923), «Ближайшие задачи в области детского права» (1926) и др. Он занимался также историей права, изучением пенитенциарной системы, исследованием англо-американского (работы «Очерки уголовного суда и наказания современной Англии» (1911), «Полиция, суд и тюрьмы в США» (1933)) и французского права, а также многими другими проблемами. В «Русском Евгеническом журнале» П.И. Люблинский опубликовал подробный обзор состояния евгенического движения в мире⁷⁶.

Среди исторических личностей, чья генеалогия и история их предков особенно интересовали евгенистов, был, конечно же, А.С. Пушкин. Исследования причастных к евгенике учёных внесли значительный вклад в пушкинистику (о генеалогических разысканиях в этом плане речь впереди). Не остался в стороне и П.И. Люблинский. Его, однако, интересовала не столько история предков поэта как таковая, а те аспекты её, которые находились в сфере его профессиональной деятельности – в частности история семейных отношений, позволявшая прояснить положение женщины дворянской среды в XVIII в. В связи со столетием гибели Пушкина в первом выпуске сборника «Литературный архив» была опубликована интересная работа П.И. Люблинского «Из семейного прошлого предков Пушкина» (М.-Л., 1938. С. 159–221)⁷⁷. В ней, в частности, подробно разбирались юридическая подоплёка сложных семейных взаимоотношений в роду предков поэта – Ганнибалов.

В 1945 г. Ленинградский университет приобрёл библиотечное собрание П.И. Люблинского, включавшее свыше 9000 томов, в том числе около 1500 томов редких старопечатных книг.

Ещё одна замечательнейшая личность, принимавшая участие в евгеническом движении – Сергей Николаевич **Давиденков** (13/25.8.1880, Рига – 2.7.1961, Ленинград), выдающийся невропатолог, генетик, один из основателей отечественной медицинской генетики.

После окончания в 1904 г. медицинского факультета Московского университета, Сергей Николаевич работал в больницах Московского и Харьковского земств, а в 1912 г., после защиты диссертации, встал во главе кафедры нервных болезней Харьковского женского медицинского института. В послереволюционный период, в 1920–1925 гг. он работал в Бакинском университете (в 1921–1923 гг. был ректором). С 1925 г. С.Н. Давиденков заведовал нейрогенетическим отделением Института профзаболеваний имени Обуха в Москве. В 1932 г. он переехал в Ленинград, где возглавил кафедру нервных болезней Ленинградского института усовершенствования врачей, с которой и была связана его последующая профессиональная биография. Одновременно, в 1933–1936 гг. он являлся заведующим клиникой неврозов Всесоюзного Института экспериментальной медицины. Во время Великой Отечественной войны, в 1942–1945 гг. был главным невропатологом Ленинградского фронта (полковник медицинской службы). Во время блокады он написал одну из своих выдающихся книг «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии». В 1945 г. Сергея Николаевича избрали академиком Академии медицинских наук СССР. Давиденков внёс огромный вклад в разработку целого ряда проблем теоретической и практической неврологии и, что особенно важно, одним из первых обратился к изучению генетики наследственных болезней нервной системы, став таким образом основателем отечественной клинической нейрогенетики. Именно этот интерес и привёл его на первых порах в ряды евгенистов. В 1925 г. он высказал оказавшуюся пророческой идею о создании «каталога генов» (на основе классификации наследственных болезней). С.Н. Давиденкову принадлежат такие значительные научные труды, как «Наследственные болезни нервной системы» (М., 1925 и 1932), «Проблема полиморфизма наследственных болезней нервной системы» (Л., 1934), «Клинические лекции по нервным болезням» (Вып. 1–4. Л., 1952–1961) и особенно уже упоминавшаяся книга «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии» (Л., 1947; предисловие академика Л.А. Орбели), вызвавшая жёсткую критику вскоре после её выхода в свет (в связи с лысенковским погромом генетики)⁷⁸.

Сергей Николаевич Давиденков был сторонником практического «внедрения» знаний о наследственности – он считал необходимым ввести преподавание общей и медицинской генетики в медицинских вузах страны и повсеместно организовать медико-генетические («медико-евгенические») консультации⁷⁹, к созданию которых он приступил. В декабре 1927 г. он стал заведующим Генетического бюро, образованного при Московском обществе невропатологов и психиатров им. А.Я. Кожевникова⁸⁰. Основной задачей бюро было «изучение наследственности при нервных и душевных заболеваниях» и в соответствии с этим «разработка медико-евгенических

показаний в отношении отдельных нервных и душевных болезней». Предусматривалась также организация музея по «нервно-психиатрической генетике». А в 1929 г. впервые в России (и в мире) организовал медико-генетическое консультирование на базе Института нервно-психической профилактики.

Евгеническая мысль С.Н. Давиденкова, как становится теперь очевидным, простиралась и ещё дальше. В апреле 1930 г. он, явно под впечатлением нашедшей статьи А.С. Серебровского 1929 г., в свою очередь написал большую статью под названием «Наши евгенические перспективы» и передал её Кольцову⁸¹. Эта работа чрезвычайно любопытна, поскольку намечает целый ряд практических мер для осуществления евгенической программы. Поскольку близится «то время, когда перед нами будет открыта широкая дорога прикладной антропогенетики», следует определить «принципиальные основы нашей евгенической политики», т.к. именно «в наших условиях евгенике предстоит широкое и плодотворное будущее». Давиденков обновляет актуальность «евгенической» политики для советского, бесклассового общества. Ведь при социалистическом строе нет имущественного отбора, который зачастую приводит к «материальному благополучию отдельных людей, и стало быть и целых родов, как раз по признакам наименее ценным». «Так, во время каждой войны в конечном счёте гибнут всё же наиболее храбрые, в то время как благополучно выживает целая армия приспособившихся трусов, далее, освобождение от военной службы неполноценных создаёт им исключительные преимущества в отношении личного и семейного устройства и материального благополучия. И если честность, смелость и ум нередко открывают человеку дорогу, то как часто низость, подхалимство, угодничество, продажность и самая откровенная приспособляемость точно также «выводят в люди»... Так, можно сильно сомневаться, чтобы в эпоху татарского ига или опричнины Ивана Грозного автоматически действующий отбор выводил на поверхность всегда лучшие роды». «Мы должны думать о планомерном евгеническом оздоровлении всей популяции» - пишет Давиденков.

Какие же практические меры предлагает он? Прежде всего должен быть организован обязательный евгенический осмотр всего городского населения СССР (поскольку именно в городах происходит неуклонное сокращение рождаемости). По предварительно хорошо выверенным тестам всё население следует разбить на несколько «геногрупп». При этом отнесённые к низшей группе, на границе дебильности, должны получить специальные листки с описанием низкого умственного уровня возможного их потомства и рекомендацией добровольной стерилизации за единовременную государственную денежную премию. Представители же наиболее евгенически ценных групп должны со стороны государства обеспечиваться наиболее подходящими условиями для увеличения деторождения. «Параллельно с основной работой комиссий по психо-отбору должна всё время идти крупная работа медико-евгенических и брачных консультаций».

Всю работу должен координировать «Высший Государственный Евгенический Совет», а научная сторона дела должна находиться в ведении «Центрального Евгенического института». Разумеется, осуществление этой программы требует очень длительной подготовки и привлечения большого числа специалистов разных областей: генетиков, биологов, врачей, психологов, психотехников, статистиков, экономистов, юристов. Примечательно, что С.Н. Давиденков определяет пятилетний срок для такой подготовки. Должна вестись и грамотная пропаганда егенического отбора. По мысли Сергея Николаевича, социалистические условия без расового, национального, сословного или имущественного разделения наиболее благоприятны для того, чтобы «непосредственно и смело разрешать социальные проблемы», а потому в СССР, как нигде в мире, практическое осуществление егенической программы будет наиболее продуктивным.

Перечисление всех этих блестящих имён показывает подлинный масштаб егенического движения в 1920-х годах. Поражает широта развернувшихся исследований, охвативших или затронувших большое число областей биологии и медицины, а также других наук, в том числе и гуманитарных, разнообразие теоретических подходов и установок, сам круг включившихся в этот процесс учёных. Конечно, увлечение егеникой было своеобразным веянием времени, но в то же время (и прежде всего) егеника явилась одним из важнейших этапов в истории отечественной науки, обусловленным всем предшествующим развитием естественнонаучного знания. Нельзя забывать и об огромной личной организаторской роли Н.К. Кольцова, сумевшего привлечь и объединить столь разноплановых по своим интересам и профессиональным занятиям специалистов мирового уровня. Это действительно было совершенно уникальное интеллектуальное, исследовательское «поле», в пространстве которого взаимодействовали самые разные научные направления, обогащая друг друга и создавая новое знание. Так получала воплощение одна из главных кольцовских идей – идея о полинаучном синтезе, об интеграции наук на основе решения общих задач. И таким «центром притяжения» оказалась благородная по своей сути, антропологическая идея об улучшении природы человека.

2. Евгенический этап русской генеалогии.

Если хотят составить суждение о наследственных особенностях индивидуума, то родословная таблица имеет большее значение, чем внешний вид.

Чарлз Дарвин

«Расскажи мне твою родословную, и я скажу тебе, кто ты» – так должно быть с егенической точки зрения переиначено известное изречение.

Михаил Васильевич Волоцкой

В современной генетике человека генеалогический метод (т.е. составление и анализ родословной) является одним из важнейших в исследовании. Как область практического знания генеалогия издавна существовала в человеческом обществе, а как одна из исторических наук сформировалась в европейской традиции на рубеже Средневековья и Нового времени. Применение генеалогического метода для решения неисторических проблем оказалось наиболее продуктивным именно в антропогенетике. У истоков этого «соединения» гуманитарной практики и естественнонаучных задач как раз и стояла евгеника. Как мы помним, Гальтон по сути был первым, кто использовал огромный опыт европейской генеалогической науки для изучения наследственности человека. С открытием законов генетики «вхождение» генеалогии в естественнонаучный, а затем и медицинский контекст получило твёрдые научные основания. Таким образом, произошёл интересный синтез, от которого «выиграли» обе стороны: генетики получили возможность использования репрезентативного исторического материала и выработанных практикой методов создания родословных, а генеалоги – возможность проверки тех или иных исторических гипотез на генетическом уровне. Произошёл этот синтез и в рамках российской евгеники 1920-х годов. Но для того, чтобы лучше понять, что дала тогда генеалогия евреникам и генетикам, нужно остановиться на том положении, в котором она находилась накануне революции и в первые послереволюционные годы, и охарактеризовать достигнутые к тому времени «результаты».

Не будет преувеличением сказать, что в начале XX века русская генеалогия вступила в пору своего расцвета⁶². Были достигнуты существенные успехи в плане практического составления родословных и изданы выдающиеся справочники, в том числе и по отдельным родам; собраны, опубликованы и изучены многие важнейшие источники; образованы научные общества (Русское Генеалогическое в Петербурге и Историко-Родословное в Москве), развернувшие широкую исследовательскую деятельность; начат выпуск специализированных генеалогических журналов («Известия РГО» и «Летопись ИРО»), наконец, началось преподавание генеалогии в высших учебных заведениях и было издано первое учебное пособие («Лекции по русской генеалогии» Л.М. Савёлова). Генеалогия переставала быть лишь областью практического интереса дворянского сословия, её данные и методы применялись для решения самых разнообразных исторических задач, а оформление в России профессионального сообщества генеалогов, резкое увеличение объёма научных изданий и выход генеалогии в студенческую аудиторию сделали её полноценной наукой. Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. начался научный этап истории русской генеалогии. При этом важно подчеркнуть, что оставаясь во многом наукой дворянской (что было вполне естественно, ибо в практическом смысле генеалогия была особенно значима именно для этого сословия, и, соответственно, имелся солидный корпус сохранившихся специфических источников), генеалогия постепенно затрагивала и другие сословия, становясь наукой, изучающей всё российское общество в целом, и этот процесс также начался ещё в дореволюционный период.

После 1917 г. русская генеалогия оказалась в сложном положении. С одной стороны, её ярко выраженный дворянский «характер» воспринимался враждебным для нового строя. Это в конечном итоге и привело к практически полному исчезновению генеалогии в 1930-х – 1950-х годах, когда генеалогия наряду с геральдикой были признаны «мёртвыми» и неактуальными, и к её более чем скромному существованию в последующие десятилетия советской власти. Ряд генеалогов, и прежде всего такая знаковая фигура, как основатель Историко-Родословного общества Леонид Михайлович Савёлов, ещё в период Гражданской войны покинули страну. С другой, в 1920-х годах продолжала сохраняться сильная инерция предшествовавшей научной генеалогической традиции. Она, прежде всего обуславливалась тем, что значительная часть генеалогов и специалистов смежных наук осталась в советской России, а некоторые даже включились в новую культурную деятельность, пытаясь спасти дореволюционное наследие. В то же время в общественном плане 20-е годы были периодом относительно спокойным: продолжали ещё некоторое время существовать, хотя и далеко не все, старые научные общества, образовывались и новые, велась краеведческая работа (здесь можно, в частности, вспомнить и два замечательных общества, сыгравших выдающуюся роль в сохранении и изучении ушедшей культуры – комиссию «Старая Москва» и Общество изучения русской усадьбы). И только в годы «Великого перелома» по всему этому флангу, как и вообще по многим «пережиткам» прежнего мира был нанесён мощный, сокрушительный удар. Пока же, в начале 20-х годов даже генеалогия смогла, правда ценой серьёзных усилий энтузиастов, организационно сохраниться. В 1919 г. в Петрограде было воссоздано под новым названием Русское Генеалогическое общество (Русское Историко-генеалогическое общество), продолжавшее свою деятельность вплоть до 1922 г. В ноябре этого года советские органы власти отказали ему в перерегистрации, признав его существование «нецелесообразным по обстоятельствам данного времени»⁸³. Есть сведения, что продолжало существовать и Историко-Родословное общество в Москве, которое в 1920–1922 гг. возглавлял Н.П. Чулков (о нём далее)⁸⁴. Как бы то ни было даже вне своей организационной структуры генеалогам ещё можно было продолжать работать, служа в архивах, музеях, библиотеках. И, конечно, когда их знания и опыт оказались востребованы новым интеллектуальным и общественным направлением, когда генеалогия могла ощутить себя нужной и более того жизненно необходимой для исследования новых, необычных «гуманитарно-биологических» проблем, генеалоги, оставшиеся от «старого мира», активно включились в евгеническое движение. Сближение генетиков и генеалогов осуществлялось с обеих сторон. Генеалоги стремились привести свои исследования в соответствие с евгеническими задачами, генетики сами стали заниматься генеалогией.

Генеалогическая работа в русле евгеники осуществлялась в двух ипостасях. Во-первых, это был сбор «современных» родословных путём распространения и анализа соответствующих анкет. Анкетирование не требо-

вало специальных исторических знаний, здесь нужна была методика составления родословных, требовалась научная разработка вопросника, умение ориентироваться в генеалогической информации и чисто практические навыки наблюдений, антропометрических измерений и научного анализа. Международное евгеническое движение прекрасно справлялось с этими задачами. Специальная международная комиссия разработала стандартный вариант анкеты и систему символических обозначений (за основу взяли наиболее удачные американские образцы). Отечественные евгенисты также уделяли большое внимание этому вопросу. У его истоков стояли, конечно же, Н.К. Кольцов и Ю.А. Филипченко, составившие два варианта генеалогической анкеты. Как уже говорилось, Ю.А. Филипченко был вообще сторонником точных, статистических методов и потому подходил к этой работе особенно внимательно, хотя в целом весьма скептически относился к возможностям довольно полного сбора генеалогических сведений путём опроса. Своими сомнениями, столь актуальными для каждого генеалога и сегодня, он делился с Кольцовым: «на опыте убедился, что память наша русская по части родственников очень коротка, и о братьях и сёстрах очень немного бы могли сообщить, т.к. большинство затрудняется дать сведения даже об отце и матери, что, мне кажется, легче». «Она, - писал он об анкете Кольцова, - полнее, но зато и сложнее моей, а наш русский человек (говорю опять по имеющемуся у меня опыту) плохо разбирается даже в самых простых вещах. Боюсь поэтому, что многие и очень многие с Вашей анкетой прямо не справятся или, что хуже ещё, напутают так, что трудно будет даже разобраться... Вообще, если возникает сомнение, чему отдать предпочтение – более полному или более простому, то для нашей публики следует выбрать последнее»⁸⁵. Мешала работе, конечно, и определённая инертность опрашиваемых. За два месяца из 2000 учёных, которым Филипченко направил анкеты, ответили только 250.

Анкета Русского Евгенического общества содержала, впрочем, весьма подробный перечень вопросов, из ответов на которые выстраивалась «генетическая родословная». Вопросы касались наследственных физических особенностей, психических заболеваний, музыкальных и других способностей. Необходимо было указать национальное происхождение, в частности примесь инородной крови у предков, психопатологические особенности, склонности и особенности «вкуса и характера». Из физических характеристик в анкете присутствовали: форма волос, цвет бороды, цвет радужной оболочки правого глаза, наличие лысины, профиль спинки носа, особенности произношения и т.д. К семейному опросному листу прилагались подробные правила для заполнения анкеты⁸⁶. Разумеется, оно осуществлялось не только силами опрашиваемого, но и наблюдениями исследователя.

Евгеническим отделом Института экспериментальной биологии была разработана также анкета по размножаемости учёных и деятелей искусства⁸⁷. В ней, в частности, опрашиваемому необходимо было составить своё

родословное древо. Ставилась задача учёта как можно большего числа предков и родственников по максимально возможному количеству линий родства. Как уже говорилось, аналогичную работу в 1920–1924 гг. осуществляло Бюро по евгенике под руководством Ю.А. Филипченко. Подобного рода исследование было проведено и в Одессе⁸⁸. Московское исследование оказалось самым репрезентативным. Было опрошено почти 800 человек. Отбор осуществлялся по принципу регистрации респондентов в ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта учёных при Совнарком). Результаты анализа анкет были представлены в статье профессора А.В. Горбунова, опубликованной в 1928 г.⁸⁹ Подобно ленинградской анкете, московская выявила неутешительное положение работников науки и культуры. Главные причины этого, по мнению автора, коренились в экономических и социальных явлениях. Скудость заработка (в статье подчёркивается, что умственный труд стал расцениваться во всех отношениях ниже физического), отсутствие нормальных условий для существования и развития семьи обуславливают резкое падение рождаемости и, как результат, вымирание интеллигенции. До сих пор, а в последние годы особенно актуально звучат практические выводы этого исследования, что нужно сделать, чтобы улучшить положение: во-первых, «усилить борьбу с жилищным кризисом, обрекающим большинство московских семей на вырождение. Необходимо во что бы то ни стало американизировать жилищное строительство»; во-вторых, «уделить больше внимания нуждам представителей интеллектуального труда – тех, кто создаёт культурные ценности и трудится над повышением культурного уровня страны». «Лишь при осуществлении этих условий будет предотвращено дальнейшее вымирание квалифицированных культурных работников и заложены прочные основы для культурного строительства»⁹⁰. Как видим, с тех пор в отношении государства к культуре и науке практически ничего не изменилось, а если учесть сегодняшнюю обстановку, то вряд ли можно сомневаться, что ситуация приобрела катастрофический и уже практически необратимый характер.

Составление «посемейных таблиц» было одной из основных форм научной работы отдела. При этом в качестве респондентов выступали и сами члены Общества, которые к тому же предоставляли для исследований необходимые сведения как свои, так и родственников. В 1921 г. отделом было «предпринято посемейное исследование типов агглютинации крови в целях выяснения их наследственной природы. Эти исследования сопровождались попутно некоторыми антропологическими наблюдениями, представляющими интерес с генетической точки зрения. Они имели возможность осуществиться лишь благодаря готовности служить объектом для этих интересных исследований многих членов Общества и той отзывчивости, с которой они сами и члены их семей являлись на испытание»⁹¹. Умение составлять родословные входило и в план обучения второго года аспирантуры в Институте: «ознакомление с антропометрическими методами и с составлением родословных на небольшой обследовательской теме евгенического характера»⁹².

Второе направление генеалогических исследований требовало уже иных знаний и навыков. Это было изучение генеалогий и наследственности по «литературным данным», т.е. работа в области исторической генеалогии. И надо отметить, что биологи-евгенисты с очень большой ответственностью и вниманием относились к этому делу. При проведении генеалогических исследований такого рода, подчёркивал В.В. Бунак, соблюдался «крайне осторожный подход»⁹³. Именно поэтому Н.К. Кольцов обратился к профессиональным историкам и генеалогам, которых считал необходимым привлечь к евгеническим разработкам. В противном случае выводы могли быть крайне ненадёжными, как это получилось в ряде случаев у Г.В. Сегалина и его соратников. Но и сами генетики внесли свой вклад в историческую генеалогию.

Работой по составлению и сбору «исторических» родословных в рамках Института и общества руководил Н.К. Кольцов, который и сам увлёкся генеалогическими изысканиями. Он собрал довольно большое число генеалогий (как в результате собственных исследований, так и от различных корреспондентов) и опубликовал ряд работ в «Русском Евгеническом журнале», в том числе статью о родословной Дарвина и Гальтона. Особенно он интересовался родословными талантливых «выходцев из народа», т.е. той областью, на которую традиционная генеалогия почти не обращала исследовательского внимания. В своей большой статье «Родословные наших выдвигенцев» Николай Константинович собрал и проанализировал свидетельства о предках М. Горького, Ф.И. Шалапина, Л.М. Леонова и некоторых других деятелей, показав тем самым генетическое богатство всех российских сословий. В его архивном фонде сохранилось несколько рукописных родословных, переданных ему различными генеалогами, в том числе родословная Лермонтовых⁹⁴.

Составил Николай Константинович и собственную родословную, проиллюстрировав свои связи со Станиславским и Четвериковыми⁹⁵. Эта связь прослежена им по материнской линии. Вот эта цепочка: Николай Константинович Кольцов – Константин Степанович Кольцов и Варвара Ивановна Быковская – Иван Андреевич Быковский и Екатерина Яковлевна Прохорова – Андрей Быковский и Елизавета Семёновна Алексева – Семён Алексеевич Алексеев. Правнуком Семёна Алексеевича по прямой мужской линии и был К.С. Станиславский (Семён Алексеевич – Владимир Семёнович – Сергей Владимирович – Константин Сергеевич), а другой сын Семёна Алексеевича – Пётр Семёнович был женат на Четвериковой. Таким образом Станиславский доводился троюродным братом матери Кольцова⁹⁶.

Ещё одна родословная из архива Кольцова, составленная кем-то из генеалогов, касалась действительных и предполагаемых предков Павла I⁹⁷. Рассматривались предки Павла по двум линиям через отца, Петра III, в родах Шестовых (через мать царя Михаила Фёдоровича инокиню Марфу) и Стрешневых (через царицу Евдокию Лукьяновну) и ещё по двум предполагаемым линиям, через мнимого отца Павла Сергея Васильевича Салтыкова и через мнимого отца Екатерины II Ивана Ивановича Бецкого.

Оказывалось при этом, что Бецкой также был потомком Стрешневых, а Салтыков – и Стрешневых и Шестовых. То есть независимо от того, кто был действительным отцом Павла и Екатерины, он в любом случае являлся потомком и Шестовых, и Стрешневых. Эта любопытная родословная наглядно показывала те поразительные результаты, которых может достичь исследование генеалогии по самым разнообразным линиям родства.

Генеалогией стали активно заниматься и другие биологи-евгенисты. В архивном фонде Александра Сергеевича Серебровского сохранилась интересная картотека, составлявшаяся им в начале 1920-х годов⁹⁸. Это довольно большое число небольших карточек, на которых своим мелким, аккуратным почерком он фиксировал родственные связи различных выдающихся деятелей русской истории и культуры. Опирался он на дореволюционные генеалогические справочники и на значительный круг биографической литературы. Эти генеалогические связи, безусловно, представляли существенный интерес для евгеники. Некоторые из них объединяли в общие родословные сразу нескольких выдающихся людей, другие касались лишь небольшого круга лиц. Иногда это просто заметки о каком-либо единичном родстве или свойстве. Общее количество отмеченных Серебровским исторических персон и фамилий довольно велико, но, к сожалению, весь этот материал так и не был обобщён им. Это были по сути первые шаги к созданию единой родословной всей русской культуры XVIII – начала XX в., задаче, которую попытался также осуществить В.С. Золотарёв и к решению которой отечественная генеалогия вплотную подошла только сейчас (об этом см. ниже). Из иностранных родословных внимание Серебровского привлекла египетская династия Птолемеев, породнившаяся в начале своей истории с династией Селевкидов. Серебровский составил соответствующую таблицу, отметив частые случаи кровосмешения у Птолемеев. Общий вывод («закключение») учёного таков: «Несмотря на многочисленные инбридинги в семье от Птолемея I до Цезария (сын Юлия Цезаря и Клеопатры VII) доходит только 1/128. По-видимому, можно говорить о наследовании жестокости, тем более что Птолемей I и Селевк I оба гуманны...», любопытна в этом контексте разница между Птолемеем VI, простившим брата, и жестоким Птолемеем VII, сыноубийцей⁹⁹.

Для сбора необходимой информации Институт направлял генеалогические запросы в архивные учреждения страны. Так, в 1926 г. Институт просил Казанское архивное бюро «навести справку об акте рождения Фёдора Ивановича Шаляпина, о брачном акте его родителей», уточнить год рождения матери певца, её девичью фамилию и найти акт о её рождении. Кроме того Институт запрашивал, не ли проживают ли родственники Шаляпина в Казани в настоящее время. Подобный запрос был отправлен и в архивное бюро Нижнего Новгорода по поводу родословной Горького¹⁰⁰.

Большую генеалогическую работу развернул и М.В. Волоцкой. Он собирал материалы по Достоевским, Серовым, Фигнер, Садовским, Скрябинным и другим родам¹⁰¹. Именно по предложению Кольцова¹⁰² Волоцкой

начал работу над характерологическим анализом личности Ф.М. Достоевского и его рода, которую он вёл много лет и часть которой ему удалось опубликовать в виде книги. «К 4 мая 1923 г., когда было сделано в заседании Русского Евгенического общества первое, предварительное сообщение об этой работе, был собран более или менее достоверный материал относительно более чем ста родственников писателя, охвативший несколько поколений»¹⁰³. Первая часть этого фундаментального труда под названием «Хроника рода Достоевского. 1506–1933» вышла в свет в 1933 г. в издательстве «Север». Её первоначальное название – «Род Достоевских в характерологическом освещении». Путь книги от рукописи до издания оказался сложным. Волоцкому пришлось даже обращаться за помощью к Луначарскому¹⁰⁴. Подготовительные материалы и рукописи этого труда, значительная часть которого до сих пор не опубликована, хранятся в архиве Волоцкого в РГАЛИ. Документы этого фонда раскрывают удивительную многоплановость исследования Волоцкого рода Достоевских. Он не только тщательно изучил все письменные источники о генеалогии писателя, но и собрал данные у современных ему родственников, в документах фонда есть коллекция портретных изображений потомков рода Достоевских, образцы почерков представителей рода, даже отпечаток рук одной из них. Интересовала Волоцкого и генеалогия родственных Достоевским семейств, в т.ч. Добрянских (к этому роду принадлежал известный генетик Ф.Г. Добрянский). Волоцкий консультировался с генеалогами, в частности с Н.П. Чулковым и В.С. Арсеньевым не только по вопросам родословия, но и геральдики¹⁰⁵. Чулков вообще был своего рода генеалогическим редактором книги о Достоевских. С.Н. Давиденков писал Волоцкому: «Книга доставила мне истинное удовольствие и я думаю, что это именно тот тип литературы, который нужен будет для всех наших выдающихся людей. Кстати же я не мог не подивиться той громадной работе, которую Вы сделали, разобрав массу всех этих историко-бытовых данных»¹⁰⁶.

Изучением рода Бакуниных занимался генетик Пётр Фомич **Рокицкий** (2/15.8.1903, Минская губ. – 21.10.1977, Минск). Ещё студентом Московского университета (окончил его в 1927 г.) с 1 октября 1926 г. он работал в Институте, где был сотрудником Генетического отдела. Исследование генеалогии Бакуниных П.Ф. Рокицкий начал ещё в 1925 г.¹⁰⁷, в 1927 г. эта работа увидела свет на страницах «Русского Евгенического журнала». Одна из егенических статей молодого генетика называлась «Можно ли улучшить человеческую породу». Дальнейшая судьба ученика Четверикова и Серебровского, как и многих других генетиков оказалась непростой. В 1930–1937 гг. он преподавал в Московском университете, одновременно работал во Всесоюзном институте животноводства, в 1938–1948 гг. заведовал кафедрой разведения и генетики в Московском пушно-меховом институте, в 1939 г. защитил докторскую диссертацию. После же августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. П.Ф. Рокицкому пришлось работать в Коми филиале АН СССР, в Сыктывкаре. Только в 1960-х годах он официально «вернулся» в генетику. В 1960 г. переехал в Минск, где сначала заведовал

кафедрой позвоночных Белорусского государственного университета, а в 1965 г. возглавил лабораторию теоретической генетики Института генетики и цитологии АН Белорусской ССР. В 1967 г. П.Ф. Рокицкий был избран академиком АН Белорусской ССР.

Ещё один генетик, Г.Г. Фризен собирал родословные поэтов. Генрих Генрихович **Фризен** (1905–1942) окончил биологический факультет МГУ в 1931 г. С 15 октября 1930 г. являлся сотрудником Института, работал в генетическом отделе. Он занимался исследованиями структуры гена, в частности изучением кроссинговера (явление, в результате которого происходит обмен равными участками в хромосомах) у дрозофилы. В 1935 г. первым предложил исследовать влияние космических лучей на мутационный процесс у дрозофилы путём полёта в стратосферу (и этот опыт был осуществлён), положив таким образом начало будущей космической генетике. Впоследствии он в качестве профессора генетики работал в Нижегородском государственном университете. Вероятно, из-за начала войны с Германией Г.Г. Фризен был арестован и расстрелян.

Особенно хотелось бы остановиться на участии в евгенических исследованиях собственно историков-генеалогов. Среди них необходимо назвать несколько очень значимых для генеалогии фигур. Прежде всего это Николай Петрович **Чулков** (12/24.11.1870, Белосток – 3.11.1940, Москва)¹⁰⁸, великий знаток родословных, непревзойдённый москвовед, человек уникальной эрудиции, легендарная личность русской генеалогии. Чулков происходил из незнатного, «рядового» дворянского рода, в 1893 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета (с дипломом I степени), после чего почти 40 лет прослужил в одном из самых знаменитых архивохранилищ России – Московском архиве Министерства юстиции (в советское время был помощником управляющего I Московским отделением юридической секции Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ), в 1926–1930 гг. работал старшим архивистом Древлехранилища). До революции дослужился до чина статского советника. Тщательная работа с архивными документами, живой интерес к историческому прошлому, великолепная память сделали Чулкова выдающимся специалистом в области источниковедения, генеалогии, москвоведения и других исторических направлений и проблем. С 1932 г. по приглашению В.Д. Бонч-Бруевича он работал в Литературном музее (заведующий рукописным отделом, научный консультант). Одновременно Николай Петрович занимался и преподавательской деятельностью: в 1929–1931 гг. читал лекции в Московском университете, а в 1931–1933 гг. в Историко-архивном институте по геральдике, сфрагистике и генеалогии. В 1938 г. получил звание профессора. Чулков активно участвовал в деятельности многих научных обществ: являлся членом-учредителем и секретарём Историко-Родословного общества в Москве (а в последние годы его существования возглавлял общество), действительным членом Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских, Русского Генеалогического общества, ряда губернских учёных архивных комиссий и др. В 1920-х годах

он много занимался историей и краеведением Москвы, собрал колоссальный материал по истории московских зданий, проводил обследования и составлял научные некрополи московских кладбищ, участвовал в работе Общества по изучению Москвы и Московского края и особенно общества «Старая Москва», где неоднократно выступал с докладами. Разумеется, создание таких выдающихся дореволюционных справочных изданий, как «Сборник биографий кавалергардов» и «Русские портреты XVIII–XIX столетий», не обошлось без деятельной помощи Чулкова. Он был редактором двух томов «Русского Биографического словаря» и написал для этого многолетнего труда более 70 биографий. Уникальные знания Чулкова, делавшие его настоящей «ходячей энциклопедией», привлекали к нему огромное количество исследователей, пользовавшихся его необыкновенной интеллектуальной щедростью. Он всегда давал чёткие и подробные консультации всем желающим, не оставляя свою эрудицию лишь в собственном пользовании. Благодарные воспоминания о нём сохранились у многих современников. Конечно, такой знаток не мог остаться в стороне от деятельности Русского Евгенического общества, на заседаниях которого он выступал с докладами, публиковал свои работы в его журнале, помогал коллегам в генеалогических разысканиях. В «Русском Евгеническом журнале» увидели свет две работы Чулкова – о генеалогии рода Толстых и декабристов Муравьёвых.

Другим выдающимся генеалогом, подключившимся к егеническим исследованиям, был Сергей Васильевич **Любимов** (12.3.1872, Петербург – конец 1935, Ленинград)¹⁰⁹. Петербургский чиновник (к 1917 г. – статский советник), он много занимался генеалогическими исследованиями. С 1912 г. являлся членом Русского Генеалогического общества, состоял и пожизненным членом Историко-Родословного общества в Москве. В советское время служил (до 1926 г.) архивариусом в Ленинградском отделении Центрального Исторического архива. С.В. Любимов был замечательным специалистом по генеалогии русского дворянства, особенно древних и титулованных родов. До революции он опубликовал родословные князей Гундоровых, Жижемских, Костровых, Назаровых, Бековичей-Черкасских, Сибирских, Дондуковых-Корсаковых, Тюменевых, баронов Черкасовых, дворян Мусоргских и др., ряд библиографических работ и справочников, самым примечательным из которых является книга «Титулованные роды Российской Империи» (Т. 1–2. СПб., 1910), где приводятся сведения о более чем 800 родах титулованного российского дворянства (в 2004 г. эта книга была переиздана одним из московских издательств). После 1917 г. С.В. Любимов продолжал заниматься генеалогией, в частности обратился к родословной Ф.М. Достоевского (опубликовал на эту тему две небольшие статьи) и других выдающихся личностей. В «Русском Евгеническом журнале» появилась его работа «Предки графа С.Ю. Витте». Другая статья, о роде Рубинштейнов, предназначавшаяся для того же издания, так и осталась неопубликованной. Последние годы жизни С.В. Любимова были очень нелёгкими, он тяжело болел, но генеалогических изысканий не прекращал.

Ещё один питерский чиновник и генеалог Юрий Александрович **Нелидов** (9.12.1874 – после 1940)¹¹⁰ до революции служил в Канцелярии Министерства иностранных дел, сотрудничал в нескольких газетах, где публиковал статьи по вопросам международного права, имел придворное звание камер-юнкера и чин надворного советника (1914 г.). Он увлекался Генеалогией, в 1913 г. вступил в Русское Генеалогическое общество, а в 1919 г. был одним из инициаторов его возрождения. После 1917 г. Ю.А. Нелидов работал по архивной части: научным сотрудником Первого отделения Первой секции ЕГАФ, а в 1925–1934 гг. заведовал Ленинградской театральной библиотекой (бывшей Центральной библиотекой императорских театров, ныне – Петербургская театральная библиотека). В статье «Ленинградская театральная библиотека им. А.В. Луначарского» (Театральное наследие. Сб. 1. Л., 1934. С. 9–44) Нелидов представил обзор её фондов и описание отдельных книжных и рукописных собраний. При нём в библиотеке был создан художественно-постановочный отдел. В «Русском Евгеническом журнале» Ю.А. Нелидов опубликовал две интереснейшие статьи: «О потомстве барона Петра Павловича Шафирова» (с этим докладом он выступал и на заседании возрождённого Русского Генеалогического общества) и, совместно с Н.К. Эссеню, «Предки и потомки академика Карла-Эрнста Бэра». После 1934 г. материалы Ю.А. Нелидова были переданы на хранение в Публичную библиотеку, где ныне составляют небольшой фонд (ОР РНБ. Ф. 515), поэтому предполагали, что приблизительно в это время он скончался. Но в архиве Н.К. Кольцова сохранилось письмо Нелидова, отправленное в 1940 г. из Горького (Нижегородской области). Поэтому, скорее всего, «бывшего» дворянина (Нелидов принадлежал к древнему роду Отрепьевых-Нелидовых, известному в русской истории Григорием Отрепьевым и фавориткой Павла I Екатериной Ивановной Нелидовой, а по матери был потомком Рюриковичей – князей Хилковых) выслали из Ленинграда, как и многих других дворян и интеллигентов, после убийства Кирова. Это косвенно подтверждает и тот факт, что в числе высланных из Ленинграда в Нижний весной 1935 г. абсолютно точно был сын Юрия Александровича – Иван (1905 г.р.), с женой и дочерью (кстати, тоже Екатериной Ивановной), который в 1936 г. был арестован и отправлен в лагерь¹¹¹.

Соавтор Ю.А. Нелидова Николай Карлович фон Эссен (2.6.1885, Шувалово, пригород Петербурга – 4.4.1945, Прага) был человеком яркой и во многом трагичной судьбы¹¹². Он происходил из рода потомственных военных (к которому принадлежал и известный адмирал Н.О. фон Эссен) и избрал военную стезю. Получив соответствующее образование (Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище), с 1905 г. Николай Карлович служил в прославленном лейб-гвардии Семёновском полку. С ним он участвовал в подавлении декабрьского (1905 г.) восстания в Москве (получил ранение) и в боях на фронте Первой мировой войны (участие в войне привело впоследствии к ампутации левой ноги). В 1916 г. Н.К. фон Эссен стал полковником Семёновского полка. С первых лет службы в полку он начал серьёзно заниматься его историей, заведовал полковым

архивом и музеем, подготовил ряд военно-исторических работ, а изыскания по личному составу полка привели его к генеалогическим исследованиям. В 1911 г. Н.К. фон Эссен стал членом Русского Генеалогического общества. Он также состоял и в других исторических обществах, в том числе в Историко-Родословном, Русском военно-историческом, в Обществе ревнителей исторического просвещения. Уже до революции он получил большую известность как военный историк и (правда, в меньшей степени) как генеалог.

События 1917 г. круто изменили его жизнь. В 1920 г. Николай Карлович вместе с семьёй эмигрировал в Эстонию, где жили его дальние родственники. Поселился в Тарту, принял эстонское гражданство. Зарабатывать на жизнь приходилось в конторе сапожной фабрики. Но именно в Эстонии с большой интенсивностью развернулась его генеалогическая деятельность. Он стал одним из самых лучших знатоков родословных остзейского дворянства и в конечном итоге главным генеалогом эстляндского рыцарства, подготовив к изданию Эзельский том генеалогического справочника балтийских родов (вышел в свет в 1934 г.) и ряд других публикаций. Видимо в 1920-х годах ещё оставалась возможность поддерживать связи с российскими коллегами, чем и объясняется совместная публикация с Ю.А. Нелидовым. После заключения советско-германского договора 1939 г. семья фон Эссен, как и многие другие «балтийские немцы», была интернирована в Германию, вернее в Познань, входившую тогда в Третий Рейх. С приходом Красной Армии фон Эссенам пришлось бежать в Прагу, к родственникам. Тяжёлый переезд пожилого инвалида, каким был Николай Карлович, подорвал его здоровье, и вскоре он скончался. После занятия Праги советскими войсками члены семьи Н.К. фон Эссена были арестованы, а после освобождения им удалось уехать в Швецию.

В 1920-х годах в Советской России оставался и такой крупный генеалог и археограф, как Василий Сергеевич Арсеньев (14/26.3.1883, София – 22.12.1947, Брюссель, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем)¹¹³. Потомок древнего дворянского рода, сын дипломата и племянник выдающегося историка-геральдиста Ю.В. Арсеньева, В.С. Арсеньев служил на поприще местного управления различных губерний, в 1915 г. в чине надворного советника став даже Псковским вице-губернатором. Одновременно он серьёзно занимался историей и генеалогией, в особенности своего рода, написав на эту тему фундаментальное монографическое исследование. Известен он был и другими научными трудами. Ещё совсем молодым человеком В.С. Арсеньев получил приглашение вступить в Русское Генеалогическое общество, деятельно участвовал он в научной общественной жизни и после революции. В революционное лихолетье в его биографии был и такой эпизод, как осенние бои в Москве с большевиками (Арсеньев являлся тогда юнкером Александровского военного училища) и полученная в результате контузия. После революции Василий Сергеевич работал в Главархиве (до 1923 г.), в 1919–1922 гг. читал лекции по геральдике и генеалогии в Московском Археологическом институте, затем перебивался большей частью непостоянными заработками, восемь раз подвергался арестам.

В январе 1934 г. с большими трудностями ему удалось уехать из СССР в Германию. Эмигрантский период для В.С. Арсеньева был очень плодотворным в творческом отношении. Он сразу же вошёл в контакт с Л.М. Савёловым и подключился к изданию замечательного историко-генеалогического журнала «Новик», который на первых порах они создавали практически вдвоём. На страницах «Новика» Арсеньев опубликовал около сотни работ, он собрал большой материал по генеалогии и некрополям русской эмиграции, составил ряд родословных русских дворянских родов для авторитетнейшего справочника европейской аристократии «Готского Альманаха». Несмотря на непростые условия жизни, он смог реализовать себя как учёный (что вряд ли могло бы произойти в рамках таких тем в СССР).

Ещё находясь в Советском Союзе, в 1920-е годы Василий Сергеевич занимался комментированием переписки и дневников Л.Н. Толстого для готовившегося тогда полного собрания сочинений писателя. Николаю Константиновичу Кольцову он передал родословные росписи нескольких ветвей своего рода: роспись потомства Александра Ивановича Арсеньева и родословную Валерии Владимировны Арсеньевой (1836–1909), невесты Льва Толстого, составленную в марте 1927 г.¹¹⁴ Юрию Александровичу Нелидову также отправил материалы по генеалогии Арсеньевых с указанием прожитых членами рода лет – опять-таки для евгенических исследований¹¹⁵. Любопытно, что, видимо, не без влияния Арсеньева взаимосвязями генеалогии и генетики заинтересовался и один из создателей русской научной генеалогии, основатель Историко-Родословного общества Леонид Михайлович Савёлов (1868–1947, эмигрировал в 1920 г., жил в США с 1937 г.). Во втором номере журнала «Новик» за 1941 г. появилась его статья «Генетика и евгеника как части генеалогии» (С. 10–17).

С Н.К. Кольцовым общался и ещё один историк-генеалог, библиограф Илья Михайлович Картавцов (14/26.8.1895, Курск – 31.12.1971, Москва)¹¹⁶. До революции он состоял членом Тульской губернской учёной архивной комиссии, Историко-Родословного общества и уже был известен своими научными изысканиями. С 1923 г. жил в Москве и работал в Российской Центральной Книжной Палате, где заведовал отделом периодической печати. С 1926 г. Илья Михайлович руководил редакцией «Журнальной летописи» (ныне «Летопись журнальных статей»). В 1920-х годах являлся также членом Русского библиографического общества и Общества изучения русской усадьбы. В 1929 г. он был арестован и сослан, затем долгие годы находился в лагерях и ссылках, был реабилитирован и смог вернуться в Москву только в 1957 г. Научные труды И.М. Картавцова посвящены библиографии, краеведению и генеалогии.

Отслеживавший всю выходящую тогда научную литературу, Илья Михайлович подготовил для Кольцова обзор книг и статей по генеалогии, изданных в России в 1918–1927 гг. Эту статью он отослал для публикации в «Русском Евгеническом журнале» в январе 1929 г. Буквально через несколько месяцев И.М. Картавцов был репрессирован, а Русское Евгеническое общество также вскоре прекратило своё существование.

К числу деятелей русской культуры, чья личность и родословная могли дать богатый материал для антропогенетических исследований, наряду с Ф.М. Достоевским, принадлежал и писатель Всеволод Михайлович Гаршин. Исследованием рода Гаршиных, как и нескольких других «□А□хопатических родов», занимался Т.И. Юдин, который на основе анализа этих родословных осуществил «копыт выделения генетических компонентов, слагающих маниакально-депрессивный психоз». В архиве Н.К. Кольцова сохранилась интересная рукопись младшего брата писателя Евгения Михайловича Гаршина (1860–1931), жившего в то время в Крыму (работа написана летом 1922 г.)¹¹⁷. Она озаглавлена «Сведения о жизни Екатерины Степановны Гаршиной (матери писателя В.М. Гаршина)». В изучении наследственности литературных талантов особенное внимание евгенистов привлекала генеалогическая линия матери. Несмотря на довольно скромное заглавие этот труд представляет собой великолепную историю семьи Гаршиных, основанную большей частью на живых воспоминаниях и рассказах родственников, но сопровождаемую достаточными подробностями и точными генеалогическими сведениями. С особенной тщательностью Е.М. Гаршин, вероятно, по просьбе Кольцова, прослеживает наследственное душевное заболевание в семье и фиксирует его проявления, а также иные психические особенности у различных родственников писателя.

На страницах «Русского Евгенического журнала» было опубликовано более десятка интереснейших генеалогических работ, существенных для евгенических исследований¹¹⁸. Они во многом предвосхитили то, к чему русская генеалогия пришла только в конце XX века. Условно их можно подразделить на две группы. Во-первых, это статьи, посвящённые некоторым наиболее интересным и талантливым родам, давшим сразу нескольких выдающихся или примечательных чем-либо представителей в тех или иных областях: Толстым (Н.П. Чулков)¹¹⁹, Аксаковым (А.С. Серебровский), Муравьёвым (Н.П. Чулков), семьям декабристов (В.С. Золотарёв) и др. Во-вторых, это статьи, в которых рассматривались все предки или потомки □Акого-либо известного лица. Таковы работы о предках и потомках академика К.-Э. Бэра (Ю.А. Нелидов, Н.К. фон Эссен), предках С.Ю. Витте (С.В. Любимов), Ч. Дарвина и Ф. Гальтона (Н.К. Кольцов) и др. Ярким примером такого интереснейшего исследования служит небольшая статья Ю.А. Нелидова «О потомстве барона Петра Павловича Шафирова», к которой приложена уникальная генеалогическая таблица. Среди потомков выдающегося петровского сподвижника в ней указаны братья Виельгорские, С.Ю. Витте, Е.П. Блаватская, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, кн. П.А. Вяземский, кн. Ф.Ф. Юсупов и целый ряд других, не менее ярких фигур. В.С. Золотарёв построил восходящие родословные (по всем линиям) Пушкина, Льва Толстого, Чаадаева, Самарина, Герцена, Кропоткина и кн. С.Н. Трубецкого¹²⁰, на примере которых изучил возможные наследственные черты тех или иных родов, проявившиеся в их выдающихся потомках. Следует особо отметить, что В.С. Золотарёв изучил в общей сложности родословные более 200 деятелей русской истории и культуры XVIII – начала XX вв., вы-

явив генеалогические связи, объединявшие всех их как бы в единое генеалогическое «пространство». Оказалось, что всех их связывает или прямое родство, или свойство – таким образом была создана единая генеалогическая панорама русской культуры. «Так можно говорить о том, что генеалогия писателей переплетается с генеалогией их «муз», как сказали бы классики, что генеалогия автора вскрывает генезис его художественных образов и литературных форм, что генеалогия творцов во многом поясняет генеалогию типов и форм в литературе»¹²¹. Как уже говорилось, предпринимались небезуспешные попытки и изучения восходящих родословных деятелей недворянского происхождения («Родословные наших выдвинутцев» Н.К. Кольцова). Таким образом был собран и изучен огромный и интересный фактический материал по исторической генеалогии.

Не следует думать, впрочем, что вся эта работа была осуществлена «с чистого листа». Во многом она опиралась на родословные, созданные ещё в дореволюционной генеалогии, где имелся и ряд выдающихся справочников (кн. П.В. Долгорукова, кн. А.Б. Лобанова-Ростовского, В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, «Малороссийский родословник» В.Л. Модзалевского и др.) и большое количество изданных превосходных генеалогий, в том числе и монографического характера. Уже имелись и родословные Льва Толстого (В.В. Руммель), и А.С. Пушкина (М.В. Муравьёв, Б.Л. Модзалевский), и многих других выдающихся деятелей (справочники Лобанова-Ростовского и Руммеля – Голубцова во многом, кстати, строились именно по этому принципу). Более того, предпринимались и отдельные исследования потомства какого-либо лица по всем генеалогическим линиям (и мужским, и женским), например, потомства М.В. Ломоносова (Б.Л. Модзалевский). Однако генеалогии-евгенисты сделали в области генеалогии очень серьёзный шаг вперёд. Признав ценность не только мужской, но и женской линии, они впервые широко развернули исследования «смешанных» генеалогий, что было не характерно для дореволюционной традиции, учитывавшей, как правило, прежде всего родство по мужской линии. Учёт предков и потомков в таких работах вёлся по всем возможным линиям родства, составлялись «смешанные» родословные росписи и таблицы. Существенно при этом, что изучалась и общая генеалогическая картина того или иного рода, выявлялись характерные его антропологические и психологические, как полагали генетически обусловленные, особенности и т.д., что было, конечно, абсолютно новым для генеалогии и позволяло использовать её данные в совершенно новом научном ракурсе.

Традиции генеалогических исследований, заложенные в рамках евгеники 20-х годов, явно или неявно оказывали влияние и на последующую русскую генеалогическую историографию (например, книга М.О. Вегнера «Предки Пушкина» (М., 1937) или неопубликованная при жизни автора книга С.Б. Веселовского «Род и предки А.С. Пушкина в истории»), которая, впрочем, чем дальше, тем больше находилась весьма в скромном положении. И только к концу XX века в отечественной генеалогии вновь обрели заметную популярность работы, типологически сходные с теми, которыми

занимались генеалогии в 20-х годах. Создаются родословные всех потомков или предков отдельных родов и лиц¹²². При этом, например, новая попытка проследить полную восходящую генеалогию Пушкина была сделана только в 1999 г. и только с компьютерной помощью¹²³, причём работа В.С. Золотарёва составителям этой новой родословной, к сожалению, осталась неизвестна. А задача создания единой генеалогии русской культуры была в какой-то степени осуществлена только в 2002 г., и то не вполне удачно¹²⁴.

Ныне генетика и генеалогия взаимно успешно «помогают» друг другу: генеалогический метод остаётся одним из основных в антропогенетике, а генетика позволяет решать важные вопросы генеалогии¹²⁵.

3. Трансформации и ликвидации.

Я не отрекаюсь от того, что говорил и писал, и не отрекись, и никакими угрозами вы меня не запугаете. Вы можете лишить меня звания академика, но я не боюсь, я не из робких.

Николай Константинович Кольцов

В конце 1920-х годов ситуация на евгеническом «поле» резко изменилась. Деятельность Русского Евгенического общества стала затухать. Количество статей в журнальных номерах уменьшилось, почти исчезла хроника работы общества, и изменился даже внешний вид обложки – на смену выполненной в художественном стиле начала 20-х гг. и украшенной даже генеалогической таблицей родства Дарвина и Гальтона пришла сухая казёнщина, абсолютно выхолощенная и невыразительная. Научный «евгенический энтузиазм» стал пропадать. Причин тому было несколько. В какой-то степени эволюционировали взгляды самих руководителей евгенического движения. Так, Николай Константинович Кольцов, быть может, под воздействием внешних обстоятельств, всё больше склонялся к признанию важности для становления человека роли среды. Он даже обратился к специальному термину «евфеника», которым обозначил улучшение фенотипических свойств человека с помощью среды, и к которой относил вопросы гигиены, физкультуры, профилактики, охраны материнства и младенчества, воспитания, обучения. Статья Кольцова о евфенике была даже в 1929 г. помещена в один из томов «Большой медицинской энциклопедии» (из последующих изданий этот термин исчез). «Евфеника требует, – писал Кольцов, – чтобы каждый ребёнок был поставлен в такие условия воспитания и обучения, при которых его специальные наследственные способности нашли бы наиболее полное и наиболее ценное выражение в его фенотипе»¹²⁶. Следует также учитывать и то, что в те годы евгенические задачи ставились некоторыми зарубежными обществами, как например, немецким обществом расовой гигиены, в плоскость в основном негативной евгенической политики с чётко выраженным расистским оттенком. В «Русском Евгеническом журнале» издавались программы таких обществ, и это также могло вызвать негативную реакцию. Подобным образом объяснял

закрывание общества и сам Н.К. Кольцов: «Когда в Германии проявились первые признаки фашизма, я резко оборвал евгенику сам, без каких бы то ни было внешних давлений, закрыл Евгеническое общество, прекратил издание журнала, закрыл евгенический отдел в институте»¹²⁷. Но главное всё-таки было в другом. Рубеж 20-х – 30-х годов оказался очень трагическим для всей научной и общественной жизни в СССР.

Это было время «Великого перелома» (1928–1932 гг.), когда в стране установился авторитарный режим власти Сталина, когда происходило жёсткое укрепление государственной системы и власть ставила под контроль все сферы жизни своих граждан, когда закончился НЭП и началась коллективизация, когда пошло наступление на всё сколько-нибудь независимое в политике, экономике, науке и культуре. И прежде всего нужно было покончить с остатками старого мира, с его «антисоветскими» рудиментами, которые в лучшем случае подлежали осмеянию (как в «Золотом телёнке» Ильфа и Петрова), а в худшем – уничтожению. Тогда начались первые открытые политические процессы над старой интеллигенцией, «вредителями» и бывшими политическими противниками – громкие дела, сфальсифицированные ОГПУ: «Шахтинское дело» 1928 г., процессы «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии» 1930 г., процесс «Союзного бюро меньшевиков» 1931 г. Одновременно шли чистки и проверки во многих учреждениях, начались аресты и высылки. Закрывались последние научные и культурные общества, «неактуальные» для советской власти. Мощный удар обрушился и на Академию наук. В январе 1929 г. состоялись выборы, в результате которых её состав пополнился партийными функционерами и учёными-коммунистами. А в том же 1929 г. началось печально известное «академическое дело» (дело «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России»), по которому осудили более ста сотрудников академических учреждений, в том числе четырёх академиков и пять членов-корреспондентов, преимущественно гуманитарных специальностей. Арестовывали экономистов (Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов), агрономов и биологов, особенно тех, кто критически мог отнестись к ситуации в экономике и сельском хозяйстве¹²⁸. Прокатилась очередная волна репрессий против «бывших» - дворян, офицеров (дело «Весна»), духовенства. Из правительства изгонялись последние «интеллигенты» ленинского призыва, вроде А.В. Луначарского, Г.В. Черина и Н.А. Семашко. «Великий перелом» переламаывал страну.

В этой ситуации столь заметное интеллектуальное движение, как евгеника, не могло не пострадать. И главным объектом удара был, разумеется, кольцовский институт.

История обрушившихся на Институт в 1929–1931 гг. репрессий довольно подробно описана в научной литературе¹²⁹. Здесь отметим лишь основные моменты этой хорошо организованной и спланированной акции. Понятно, что никакая кампания извне не может достичь желаемых результатов без поддержки изнутри. Поэтому сначала был внесён раскол в коллектив Института. Вначале Институт стали исподволь «укреплять» новыми кадрами, при этом ставка, конечно, делалась на молодёжь (хотя и не только

на неё). Важнейшую роль в «раскачивании» ситуации сыграла выпускница медицинского факультета II МГУ Дора Захаровна Комиссарук (род. в 1897 г. в Ковно). В августе 1928 г. она стала сотрудницей Института, а 23 декабря 1929 г. была принята на должность ассистента Евгенического отдела. Так, уже внутри самого отдела началась работа по его уничтожению. Комиссарук была не слишком грамотным человеком¹³⁰, но недостатки образования восполнялись иным, в тех условиях особо ценным качеством – она являлась членом ВКП (б). Для кольцовского института членство в партии было тогда редкостью. Комиссарук сразу же организовала в Институте местком, и «работа закипела». Затем коллектив «укрепился» и другими партийцами. Вместо профессора Владимира Николаевича Лебедева (1882–1951) заместителем Кольцова стала сотрудница Института Софья Сергеевна Елизарова, чей партстаж исчислялся с 1920 г. Это было уже серьёзно. Комиссарук и другой активистке М.Л. Рохлиной удалось внести разлад в коллектив и склонить на свою сторону нескольких молодых сотрудников.

Особенно раздражали «передовых» сотрудников и аспирантов научные семинары Генетического отдела, организованные С.С. Четвериковым.туда не охотно допускали чужаков, а решение о принятии в самостоятельное научное сообщество, сложившееся на семинарах, принималось только в случае единогласного мнения всех участников. Это, разумеется, стало поводом для обвинений в замкнутости и кастовости¹³¹.

Конфликт, спровоцированный одним из аспирантов, начался ещё в январе 1929 г., когда Н.К. Кольцов находился в научной командировке в Париже. Вернувшемуся директору удалось на время успокоить страсти, но вскоре в апрельском номере юмористического журнала «Чудак» появился фельетон «Кто нас учит и чему?» (без подписи), содержащий политические обвинения в адрес профессоров С.С. Четверикова, Н.К. Кольцова, не связанного с Институтом Г.А. Кожевникова и аспиранта Института Н.К. Беляева¹³². «Строгие учёные, которые гордо заявляют: «Нам безразлично, каков строй. Мы служим науке!» – будьте уверены, имеют в виду любой строй, кроме социалистического». Автор обвинял учёных в антисоветчине: Четверикова – в ностальгии по царскому режиму, Кольцова – в пропаганде войны, а Кожевникова – в защите церкви¹³³. Фельетон сопровождали карикатуры Кукрыниксов.

В июне 1929 г. С.С. Четвериков без предъявления обвинений был арестован, а в августе без суда был сослан на три года в Свердловск (в Москву он так до конца жизни и не вернулся). Между тем кампания в прессе продолжалась. 31 июля 1929 г. в части тиража «Комсомольской Правды» была опубликована статья «Классовый враг в научных институтах». Одновременно в том же 1929 г. началась травля Ю.А. Филипченко в Ленинграде, организованная И.И. Презентом, впоследствии ставшим соратником и идеологом Т.Д. Лысенко. Презент принимал затем активное участие и в травле Кольцова. К тому времени, после критики своей работы «Интеллигенция и таланты» Филипченко уже свернул егенические исследования, а ленинградское Бюро полностью репрофилировало свою деятельность. Но старые «грехи» помнились долго. В 1930 г. Юрий Александрович скончался.

Масла в огонь подлила уже упоминавшаяся нашушевшая статья А.С. Серебровского «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе», напечатанная в 1929 г. в «Медико-биологическом журнале». На ряд положений, выдвинутых автором, обрушилась критика, которая вместе с тем поставила под удар и всю генетику человека. В 1930 г. в журнале было опубликовано письмо А.С. Серебровского в редакцию¹³⁴. В нём он признавал, что неоправданно умалил значение «социальной стороны вопроса» и назвал «политически» ошибочными некоторые наиболее острые высказывания («пятилетка в 2,5 года», мысль о том, что с точки зрения биологии любовь есть сумма рефлексов и др.), хотя от основной идеи статьи (извлечь из буржуазной евгеники то здоровое ядро, которое должно вырасти в евгенику социалистическую) не отказался. Но этого, конечно, было явно недостаточно. А.С. Серебровскому пришлось каяться ещё несколько раз: «Наиболее ясны для всех, даже не для биологов мои ошибки в области евгеники, когда я упустил из виду обстановку, в которой она родилась в качестве науки в Западной Европе...» – говорил он на общем собрании Общества биологов-марксистов при Комакадемии в марте 1931 г.¹³⁵ На этой дискуссии Н.К. Кольцов был назван «механистом», а А.С. Серебровский и С.Г. Левит – «меньшевистствующими идеалистами». Эти клише стали общими ярлыками, которые навешивали генетикам биологи-марксисты. Кольцова и его соратников обвиняли в «реакционной трактовке евгенических проблем». Между евгеникой, с одной стороны, и расизмом и фашизмом, с другой, теперь по сути стоял знак равенства¹³⁶.

Началась проверка работы кольцовского Института. В 1930 г. её проводила комиссия Наркомздрава. Николай Константинович, как мог, сопротивлялся нарастающему нажиму. На одном из общих собраний коллектива (1930 г.)¹³⁷ он высказал и вовсе крамольные, с точки зрения тогдашней идеологии, мысли. «Основной недостаток, по мнению Н.К. Кольцова, заключается в том, что слишком сильно развитая общественная жизнь, например, собрания по чистке партии, по проверке личного состава и др., мешают научной работе, нарушают её». Н.К. Кольцов: «Если после шестичасового рабочего дня сотрудники сидят от 4 до 12 часов ночи на бурном, волнующем собрании, например, по чистке партии или при проверке личного состава, то это подрывает работоспособность сотрудников».

Приведу выдержки из протокола с высказываниями его оппонентов.

В.В. Сахаров: «Направление работ в Институте, в особенности в области евгеники – чисто механистическое. И некоторые работы по евгенике отражают реакционные настроения научных работников Западной Европы. Например, работа Рокицкого о Муравьёве-вешателе, непонятно, сочувствует ли ему автор или прощает его. Надо обратить особое внимание на подготовку кадров в Институте, так как это дело поставлено совершенно неудовлетворительно, социальный состав далеко не революционен. Институт не привлёк пролетарских кадров молодёжи».

Григорий Иосифович Роскин¹³⁸: ничего «специфически советского» в подготовке аспирантов не было. «Институт организован ядром старых со-

трудников, для которых в работе Института характерны следующие направления: эмпирия в области научной, материализм в области философии и оппозиция царскому правительству до революции. С приходом в Наркомздрав после Октябрьской революции имеет место растерянность в области философии, курс на лояльность в области политики и по-прежнему эмпирия в области науки и это привело к краху, переживаемому Институтом, к краху, который начался много раньше настоящего периода, т.к. потерпела крах идея лояльности, связанной с аполитичностью, т.к. жизнь доказала невозможность аполитичности в науке. Потерпело крах направление чистой эмпирии в области науки и ещё раньше наступил крах в области философии». По мнению Роскина, необходимо как можно шире привлечь в Институт «советский молодежь».

В вину «старым» учёным и Институту в целом ставился «отрыв от советской действительности» и ориентация на сотрудничество с центрами мировой науки.

Клавдия Петровна Конова, аспирантка антропогенетического отдела: «Институт увлечён внешним рынком и обособил себя от советской действительности. Он жил замкнутой жизнью до 1928 г., до прихода Комиссарук и организации месткома. Сотрудники были против организации месткома, боясь, что он помешает научной работе». «Евгеническое отделение было увлечено генеалогическими работами и не имело связи с социальной гигиеной, ни с Комакадемией. Евгеническая школа, возглавляемая Николаем Константиновичем, рупором её являлся Евгенический журнал. И мы наблюдаем перенесение генетических и биологических законов на человека, не учитывая социальных факторов».

С.С. Елизарова: «Институт слишком много оглядывался на границу», «мы должны создать классовую науку, нужную нашему пролетарскому государству», «по поводу идеологического направления работы Института я пока ещё мало ознакомилась, но надо обратить особое внимание на Евгенический отдел».

И действительно, евгенический отдел, который в те годы стал называться антропогенетическим, постепенно сворачивал свою работу. После ухода из Института В.В. Бунака в 1927 г. (он возглавил лабораторию в Институте социальной гигиены) должность заведующего отделом стала вакантной и общее руководство подразделением взял на себя сам Кольцов. В 1930 г. отдел назывался уже лабораторией. Его основная задача была скорректирована в духе времени: «Изучение явлений наследственности и изменчивости, обуславливаемых не только наследованием, но и воздействием внешней среды»¹³⁹. Тематика работ существенно сузилась. Теперь основное внимание сосредотачивалось на изучении наследственной предрасположенности к некоторым заболеваниям, проявляющейся благодаря вредным воздействиям внешней среды. Иными словами, акцент ставился не только на исследование наследственного характера заболеваний, но и на механизм влияния среды, выявляющей эту наследственность. Тематика антропогенетического подразделения института ограничивалась

теперь только двумя направлениями: изучением наследования эндемического зоба по материалам экспедиций в Среднюю Азию (Д.З. Комиссарук и В.В. Сахаров) и изучение наследования глухонмоты на основе посемейных материалов, собранных в Москве (Г.В. Соболева)¹⁴⁰.

В представленном Кольцовым в 1930 г. пятилетнем плане работы Института деятельность антропогенетического отдела связывалась с деятельностью Общества по изучению расовой патологии и географического распространения болезней, образованного весной 1928 г. под председательством Кольцова¹⁴¹. Видимо, старый тандем «Евгеническое общество – Евгенический отдел» должен был, по мысли Кольцова, в новых условиях трансформироваться в сотрудничество нового общества и реорганизованного отдела. Можно думать, что это общество в какой-то степени призвано было заменить Русское Евгеническое.

На первый план в работе отдела выходила проблема связи между расовыми и конституциональными особенностями. В качестве важнейшей перспективной задачи ставилось изучение конституции и патологии среди населения местностей с резко отличными климатическими и географическими особенностями: «В какой мере местное население определённого расового состава лучше наследственно приспособлено к обитанию в этих местностях, чем пришлые элементы». Материал должен был собираться в результате экспедиций. Основным направлением здесь оставались по-прежнему «Закаспийские республики». Но признавалась желательной организация экспедиции и на Крайний Север. Примечательно, что даже в этом пятилетнем плане Кольцов отмечает необходимость расширения антропогенетической (евгенической) лаборатории¹⁴².

Летом 1931 г. была осуществлена последняя, небольшая экспедиция – по изучению эндемического зоба на Урал, в Златоуст (В.В. Сахаров, О.В. Николаев, А.М. Зубкова). 16 февраля 1931 г. из Института уволилась Г.В. Соболева¹⁴³. В отделе осталось всего два сотрудника (В.В. Сахаров и Д.З. Комиссарук). Вскоре он был ликвидирован. В.В. Сахаров перешёл в Генетический отдел, а О.В. Николаев и Д.З. Комиссарук в Патологический (потом Комиссарук удалось уволить из Института). В целом же в Институте экспериментальной биологии прошла полная структурная реорганизация.

В такой обстановке работать Кольцову становилось всё труднее. Он несколько раз обращался к новому наркому здравоохранения М.Ф. Владимировскому с просьбой об отставке. Только личное вмешательство Сталина, которому передал письмо Кольцова Горький, в мае 1932 г. спасло Институт от разгрома¹⁴⁴. В последующие годы Кольцов вёл настоящую героическую борьбу за сохранение Института. Но с евгеникой в Институте экспериментальной биологии было покончено. Это был один из главных результатов кампании 1929–1931 гг.

Исследования по антропогенетике проводились ещё некоторое время в Медико-биологическом (позднее Медико-генетический) институте Наркомздрава, которым руководил Соломон Григорьевич Левит (1894, Вилкомир – 29.5.1938)¹⁴⁵.

В 1921 г. он окончил медицинский факультет I МГУ, в период Гражданской войны служил в Красной армии фельдшером. Состоял членом Бунда, в 1920 г. вступил в ВКП(б). В 1921 – 1928 гг. С.Г. Левит работал на кафедре госпитальной терапии медицинского факультета МГУ (зав. кафедрой – Д.Д. Плетнёв), в 1925 г. прошёл стажировку в Германии. В 1924 г. он организовал кружок врачей-материалистов в I МГУ, преобразованный в 1928 г. в Общество биологов-материалистов (позднее биологов-марксистов) при Коммунистической Академии. В Комакадемии С.Г. Левит являлся учёным секретарём Секции естественных и точных наук, а с 1930 г. – членом её Президиума. Один из наиболее талантливых сторонников «синтеза» биологии и марксизма, по своим взглядам С.Г. Левит вначале был ламаркистом, но затем под влиянием А.С. Серебровского, у которого прошёл практику в генетической лаборатории Института им. К.А. Тимирязева, перешёл на позиции генетики.

В конце 1928 г. при Медико-биологическом институте, основанном в 1924 г., под руководством С.Г. Левита был создан Кабинет наследственности и конституции человека, одним из сотрудников которого с 1 декабря того же года стал и А.С. Серебровский. Среди задач этого кабинета были составление топографической карты хромосом человека и изучение географического распространения генофонда СССР. При этом большое внимание уделялось генофондам изолированных сообществ, т.е. тому направлению, которым занимался и Евгенический отдел кольцовского института в последние годы своего существования. Таким образом Серебровский и Левит заложили в отечественной науке основы изучения генетики популяций и геногеографии. В 1930 г. Кабинет был преобразован в Генетическое отделение Медико-биологического института, а вскоре С.Г. Левит стал и директором всего института. В 1931 г. учёный прошёл стажировку в лаборатории Г. Мёллера в США.

Под руководством С.Г. Левита Медико-биологический институт стал одним из крупнейших центров изучения генетики в стране и уникальным научным учреждением, занимавшимся генетикой человека. Именно это направление сделалось ведущим в его деятельности. Весной 1935 г. институт сменил название на Медико-генетический им. Максима Горького. Исследовательская деятельность института развернулась с огромным размахом, по объёму своих работ он стоял на первом месте в мире¹⁴⁶. Это был крупный шаг вперёд в области медицинской генетики. Институт включал более десяти отделений и кабинетов, охватывавших почти все разделы клинической медицины, цитологию, генетику, психологию (в психологическом кабинете института работал А.П. Лурия), антропометрию и т.д. Особенно масштабными были проведённые институтом исследования близнецов. Конечно же, важное место в работе института отводилось и применению генеалогического метода. Но в отличие от Русского Евгенического общества и соответствующего отдела кольцовского института речь шла в основном об изучении наследственных заболеваний, для чего составлялись родословные путём опроса и обследования респондентов, а не анализа «исторических» генеалогий. Институт разработал инструкцию по собиранию родословных, в основе которой лежали соответствующие

инструкции и стандарты составления генеалогий, созданные американскими учёными и одобренные специальной международной комиссией. Инструкция Медико-генетического института была направлена Н.К. Кольцову с просьбой дать свои замечания¹⁴⁷. В ней была представлена подробная система графических символов для обозначения родства, нумерации поколений и членов рода, присутствия или отсутствия тех или иных признаков и степени их проявлений и т.д.

15 мая 1934 г. в Институте состоялась первая в нашей стране научная конференция по медицинской генетике, на которой выступили с докладами Г. Мёллер, Н.К. Кольцов, сам С.Г. Левит, С.Н. Давиденков, Т.И. Юдин, В.В. Бунак.

Но история Медико-генетического института оказалась недолгой. Новый виток репрессий начался в 1936 г. По мнению современного исследователя В.В. Бабкова в решении Сталина уничтожить медицинскую генетику в СССР сыграло роль и упоминавшееся письмо Г. Мёллера, в котором не только говорилось о возможности сознательного контроля над биологической эволюцией человека с помощью генетики, но и отрицалась идея об изменении наследственности и свойств организма под влиянием факторов внешней среды «в каком-либо особом специальном направлении», т.е. то положение, на которое опирался Т.Д. Лысенко¹⁴⁸. В ноябре 1936 г. накануне декабрьской сессии ВАСХНИЛ против С.Г. Левита была развязана кампания в прессе¹⁴⁹. Его шельмовали на собрании биологов и медиков в Доме учёных, где в числе «обвинителей» выступала всё та же Комиссарук. Наконец, 4 декабря его исключили из ВКП (б).

Вновь зазвучали обвинения генетиков в евгенических «грехах» на знаменитой декабрьской (IV) сессии ВАСХНИЛ 1936 г., где проходила острая дискуссия между генетиками и лысенковцами. На сессии один из четырёх главных докладов делал А.С. Серебровский (о генетике животных). В числе прочих вопросов он говорил и об искусственном осеменении животных, за что сразу же ухватились его оппоненты. Так, крупный селекционер, вице-президент ВАСХНИЛ Георгий Карлович Мейстер (1873–1938, репрессирован) не преминул вспомнить о прежних его «заблуждениях»: «Исходя из успехов искусственного оплодотворения животных, он те же меры использовал для улучшения населения СССР. Это чудовищное оскорбление советской женщины. Этого, несмотря на личное покаянное выступление тов. Серебровского, советская женщина никогда ему не простит. Мало того, несомненно, что память об этом переживёт и самого Серебровского»¹⁵⁰. В том же духе были выдержаны и выступления двух коллег Серебровского по Всесоюзному институту животноводства Г.Е. Ермакова (директора Института) и А.В. Заркевича¹⁵¹. Идеи Кольцова и Серебровского они охарактеризовали как «бредовые», а самих учёных обвинили в пропаганде «настоящей гитлеровской теории стерилизации». Изучение родословной Дарвина Кольцовым зло высмеял И.И. Презент.

А.С. Серебровский поспешил ещё раз отказаться от своих размышлений. 26 декабря 1936 г. на заседании пленума ВАСХНИЛ было оглашено его «покаянное письмо», где он признавал, что его статья 1929 г. «пра-

вильно квалифицированная недавно в «Известиях» как «контрреволюционный бред» представляет собой уродливый «левый заскок», целую цепь грубейших политических и антинаучных, антимарксистских ошибок», связанных с «идеологией меньшевистствующего идеализма». «Созданная буржуазией классовая «наука» – евгеника служит в капиталистических странах лишь одним из приёмов обмана и подавления эксплуатируемых классов и колониальных народов». «Поэтому советские генетики должны считать своей политической задачей разоблачение фашистской расовой теории и разъяснение того, что генетическая наука не даёт ни малейших поводов и оснований для какой-либо качественной дискриминации эксплуатируемых рас и классов и что все подобные попытки фашистских политиков и «учёных» мракобесов явятся насилием над генетикой и её отвратительным извращением»¹⁵². Конечно, Серебровский, видимо, искренне отказывался от своих прошлых идей. Но в обстановке настоящей травли сложно отстаивать прежние взгляды, а в конце 1930-х гг. Серебровского постигли новые беды: были арестованы двое его братьев, его самого исключили из кандидатов в члены ВКП(б), а наборы двух его фундаментальных книг были рассыпаны.

Тем более удивительной в тех невообразимо тяжёлых условиях выглядит позиция Н.К. Кольцова. В конце марта – начале апреля 1937 г. на собраниях актива Президиума ВАСХНИЛ разбиралось письмо Николая Константиновича президенту этой академии, в котором он резко негативно охарактеризовал итоги прошедшей декабрьской сессии. В выступлениях вновь зазвучали обвинения в приверженности Кольцова «фашистским, расистским концепциям», он прямо был назван «контрреволюционером». Собрание приняло резолюцию, в которой сочло «совершенно недопустимым, что акад. Кольцов на собрании актива выступил с защитой своих евгенических учений явно фашистского порядка» и потребовало от него «совершенно определённой оценки своих вредных учений». Ответ Кольцова прозвучал ошеломляюще: «Я не отрекаюсь от того, что говорил и писал, и не отрекись, и никакими угрозами вы меня не запугаете. Вы можете лишить меня звания академика, но я не боюсь, я не из робких»¹⁵³.

Травля великого учёного возобновилась с новой силой, вновь поднялась газетная шумиха. Активную роль в этой кампании выполнял всё тот же И.И. Презент. Именно ему (в соавторстве с А.А. Нуриновым) принадлежит отвратительная статья «О пророке от евгеники Н.К. Кольцове и его евгенических соратниках», опубликованная в газете «Социалистическое земледелие» 12 апреля 1937 г. А в июльском номере журнала «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства» Г.Е. Ермаков и К. Краснов обвинили Кольцова, Серебровского, Бунака, Юдина в том, что они создали «евгенические «теории» фашиствующего порядка» и что, якобы, научные труды Кольцова лежат в основе программы фашистов¹⁵⁴. В мае – июне 1937 г. в Институте экспериментальной биологии вновь работала комиссия Наркомздрава.

Между тем разгромили Медико-генетический институт. 5 июля 1937 г. С.Г. Левит был снят с поста директора, 13 июля уволен, вскоре институт

был закрыт. В ночь с 10 на 11 января 1938 г. С.Г. Левита арестовали, 17 мая приговорили к расстрелу и 29 мая расстреляли. Так в одночасье было разрушено ценнейшее направление в науке.

Судьба Института экспериментальной биологии и самого Н.К. Кольцова в последующие годы оказалась тяжёлой¹⁵⁵. В 1938 г. Институт перевели в подчинение Академии наук СССР, его штаты сократили, бюджет урезали. А в начале 1939 г. начался новый виток травли Кольцова. На предстоящих выборах в Академию наук в декабре 1938 г. он был выдвинут в академики по отделению биологии. В «ответ» на это 11 января «Правда» публикует коллективное письмо нескольких биологов (написанное И.И. Презентом), первыми под которым стояли подписи академиков А.Н. Баха и Б.А. Келлера – «Лжеучёным не место в Академии наук» (с. 4)¹⁵⁶. Письмо было направлено против выдвигавшихся в академики выдающегося учёного, профессора Л.С. Берга и Н.К. Кольцова. Берг обвинялся в создании антидарвинистической теории номогенеза. Кольцову припомнили его евгеническое прошлое. Идеи Кольцова и Филипченко были названы «черносотенным бредом», евгеника объявлялась «основой расовых теорий фашизма, звериного шовинизма и зоологической ненависти к людям», а между евгеническими взглядами Кольцова и современных фашистских «учёных» декларировалось «полное идейное родство». Бергу и Кольцову противопоставляли иных, достойных кандидатов в академики: «Такие имена, как Лысенко, Ширшов, Ал. Толстой, Вышинский и другие, заслуженно пользуются уважением народа».

Кольцов попытался обратиться к Сталину, написав ему письмо с объяснением своей позиции, но это не дало никакого результата¹⁵⁷.

Общее собрание сотрудников Института под председательством Н.П. Дубинина в январе приняло резолюцию «о политической вредности высказываний заслуженного деятеля науки, академика ВАСХНИЛ Н.К. Кольцова», в которой отмечалось, что «евгенические высказывания Кольцова, сделанные им в прошлом, являются только небольшой частью его деятельности». Как говорилось в этом документе, Кольцов ещё в 1928 г. отошёл от евгеники, но хотя в настоящее время, как антифашист, резко бичует «лженаучную евгенику, которая нашла себе почву в звериной, расистской теории фашизма», «подверг ещё недостаточной критике свои евгенические высказывания». Резолюция заканчивалась ритуальным для подобного рода документов предложением к Кольцову написать статью, направленную «против лженаучных расистских теорий фашизма»¹⁵⁸.

Кольцов конечно же не был избран в академики. Более того, в начале марта 1939 г. Академия в рамках «усиления борьбы с имеющимися лженаучными извращениями» организовала комиссию для расследования деятельности Кольцова и возглавляемого им Института, которой руководил главный «подписант» правдинской статьи, бывший народоволец А.Н. Бах.

Комиссии, однако, не удалось добиться ни осуждения Кольцова собственными сотрудниками, ни покаянных признаний самого директора. На общем собрании коллектива Николай Константинович повторил: «Я ошибался в жизни два раза. Один раз по молодости лет и неопытности невер-

но определил одного паука. В другой раз такая же история вышла с ещё одним представителем беспозвоночных. До 14 лет я верил в Бога, а потом понял, что Бога нет, и стал относиться к религиозным предрассудкам, как каждый грамотный биолог. Но могу ли я утверждать, что до 14 лет ошибался? Это была моя жизнь, моя дорога, и я не стану отречься от самого себя»¹⁵⁹. А 15 апреля на заседании комиссии заявил: «Если вы думаете требовать от меня какого-нибудь отречения, то я отречься не буду. Это было историческое время»¹⁶⁰. Можно только удивляться мужеству этого человека в разгар жесточайших репрессий.

На следующий день президиум Академии наук постановил считать статью в «Правде» верной, а евгенические работы Кольцова ошибочными¹⁶¹. Кольцов был снят с должности директора созданного им института, но не арестован. Ему даже оставили небольшую лабораторию. В декабре 1940 г., будучи на научной конференции в Ленинграде, Николай Константинович скоропостижно скончался.

4 апреля 1940 г. живший в Горьком Юрий Александрович Нелидов отправил Николаю Константиновичу Кольцову коротенькое письмо. Оно сохранилось в архиве учёного¹⁶²:

«Прошу простить меня великодушно, что так задержался исполнением Вашего поручения: выяснить некоторые вопросы, связанные с родословием Горького. Мне только вчера удалось побывать в здешнем Горьковском музее и подробно переговорить с Хитровским¹⁶³ по интересующему Вас вопросу. Вот что мне удалось выяснить: в данную минуту ещё не представляется возможным установить, чьей дворовой была бабушка Горького Каширина. Есть некоторые основания предпологать, что удастся отыскать метрическую запись брака Кашириных. Этим летом Горьковский музей специально займётся этим вопросом на месте в Балахне. Буду наведываться к ним в музей и справляться о том, что им удастся выяснить. Что же касается деда Горького со стороны отца, Савватия Пешкова, то раз он был офицером, то, по-моему, надо искать его послужной список в Лефортовском архиве¹⁶⁴. Послужной список этот должен несомненно дать много интересных данных. Вот всё, что мне удалось выяснить здесь, в Горьком. Прошу принять уверения в моём глубоком уважении и преданности. Юрий Нелидов».

Сыльный «бывший» дворянин, камер-юнкер, потерявший к тому времени отправленного в лагерь сына, пишет отверженному учёному, потерявшему созданный им институт, о тех вопросах, которые волновали обоих. До конца своих дней Н.К. Кольцов продолжал интересоваться тем, чем занимался ещё в 20-х годах, и этот во многом генеалогический интерес связывал его с бывшим «соратником» по евгеническим исследованиям.

Изучение наследственных болезней продолжал Сергей Николаевич Давиденков. В 1947 г. был опубликован его выдающийся научный труд – «Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии», вскоре подвергнувшийся жёсткой идеологической критике¹⁶⁵. После сессий ВАСХНИЛ и АМН СССР 1948 года генетика в СССР практически прекратила существование.

Возрождение генетики человека началось лишь на рубеже 1950-х – 1960-х годов¹⁶⁶. Этот процесс связан с именами Александры Алексеевны Прокофьевой-Бельговской (1903–1984), Владимира Павловича Эфроимсона (1908–1989), Александра Александровича Малиновского (1909 –1996) и других учёных, сумевших сохранить научную традицию. Незадолго до смерти Сергей Николаевич Давиденков приступил к организации Лаборатории медицинской генетики АМН СССР. Она была создана и в дальнейшем работала под руководством его вдовы, члена-корреспондента АМН СССР Евгении Фёдоровны Давиденковой (1902–1996). В 1964 г. вышел первый учебник по медицинской генетике, написанный В.П. Эфроимсоном «Введение в медицинскую генетику». В 1969 г. был создан Институт медицинской генетики АМН СССР.

Уникальным продолжателем идей и исследований Кольцова и его соратников был выдающийся генетик, гениальный учёный Владимир Павлович Эфроимсон, создавший ряд интереснейших капитальных трудов, которые увидели свет уже после его смерти¹⁶⁷.

Евгеника стала историей. Но нельзя забывать, что именно она стала в нашей стране источником антропогенетики, медицинской генетики и, во многом, генетики популяций. Именно этот факт показывает, насколько значима была деятельность уникального евгенического сообщества, сообщества учёных разных специальностей, яркого интеллектуального движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственная на русском языке научная биография Гальтона принадлежит перу доктора биологических наук, профессора Ивана Ивановича Канаева и увидела свет в год 150-летия со дня рождения учёного (Фрэнсис Гальтон. Л., 1972). И.И. Канаев (1893–1984), ученик проф. Ю.А. Филипченко, был выдающимся биологом и генетиком и одним из крупнейших историков биологической науки. Первая книга Канаева, вышедшая в 1925 г., называлась «Наследственность. Научно-популярный очерк» (Л., «Прибой», 1925. 116 с.). В области биологии исследования Канаева посвящены проблеме регенерации, которую он изучал на примере гидры, в области генетики – исследованию высшей нервной деятельности путём изучения близнецов (книги «Близнецы. Очерки по вопросам многоплодия» (М.-Л., 1959), «Близнецы и генетика» (Л., 1968)). Огромен вклад И.И. Канаева в историю науки. Он создал научные биографии выдающихся натуралистов Ж.Л.Л. де Бюффона (1966), А. Трамбле (1972), К.Ф. Кильмейера (1974), Ж. Кювье (1976), две книги посвятил естественнаучным трудам И.-В. Гёте (1964, 1970), перевёл и издал его сочинения по естествознанию (1957). И.И. Канаев написал также фундаментальные труды по истории изучения морфологического типа в зоологии и физиологии цветового зрения (книги «Очерки из истории сравнительной анатомии до Дарвина. Развитие проблемы морфологического типа в зоологии» (М.-Л., 1963), «Очерки из истории проблемы морфологического типа от Дарвина до наших дней» (М.-Л., 1966), «Очерки из истории проблемы физиологии цветового зрения от античности до XX века» (Л., 1971)). За свои труды по истории биологии он был избран членом-корреспондентом Международной Академии истории науки. Ряд важнейших трудов Канаева, в т.ч. и книга о Гальтоне, был переиздан в 2000 г. (*Канаев И.И. Избранные труды по истории науки / Отв. ред. К.В. Манойленко. Ред.-сост.: М.Д. Голубовский, Э.И. Колчинский, С.А. Орлов. СПб., 2000.* Здесь же биографический очерк о нём К.В. Манойленко (И.И. Канаев и

его роль в развитии эволюционной биологии. С. 7-16) и библиография его работ (С. 488 – 491)).

² Канаев И.И. Фрэнсис Гальтон. Л., 1972. С. 70.

³ Единственная из книг Гальтона, переведённая на русский язык и изданная в России в 1875 г. под названием «Наследственность таланта. Законы и последствия». Следующее её издание появилось только в 1996 г.

⁴ Гальтон Ф. Наследственность таланта. М., 1996. С. 6.

⁵ Бочков Н.П. Клиническая генетика. М., 2002. С. 9–10.

⁶ О работах Мопертью в области биологии см.: Канаев И.И. Мопертью как педешественник Дарвина // Канаев И.И. Избранные труды по истории науки. С. 316–332 (особенно с. 320–329).

⁷ Канаев И.И. Фрэнсис Гальтон. С. 25.

⁸ Пирсону принадлежит фундаментальная трёхтомная биография Гальтона «The Life, letters and labours of Francis Galton» (Cambridge, Vol. 1, 1914, Vol. 2, 1924, Vol. 3a,b, 1930), до сих пор остающаяся самым подробным жизнеописанием этого учёного.

⁹ Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину // Вопросы истории естествознания и техники. № 1, 1997. С. 78.

¹⁰ Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину. С. 78. Конашев М.Б. От евгеники к медицинской генетике – см.: Российский биомедицинский журнал. Т. III // www.medline.ru/medhistory/medarticles/eumedgen.shtml; Дни медицины и биологии. СПб., 1995. С. 18–41. Истории евгеники в европейских странах и США посвящено значительное число исследований иностранных авторов, основную библиографию см.: Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб., 1999. С. 146–147. Философскому осмыслению феномена евгеники посвящены кн.: Хен Ю.В. Евгенический проект: «хро» и «сонга». М., 2003; Евгеника в дискурсе глобальных проблем современности / Отв. Ю.В. Хен. М., 2005 (сборник статей). О современной ситуации в этой области см. также: Дж. Глэд. Будущая эволюция человека. Евгеника двадцать первого века. М., 2005.

¹¹ В.М. Флоринский был попечителем западно-сибирского учебного округа и считается одним из основателей Томского университета. Его книга, увидевшая свет за три года до публикации основополагающей для евгеники книги Ф. Гальтона, была забыта, пока в 1920-х гг. М.В. Волоцкой (о нём см. далее) не обратил на неё внимание. В 1926 г. он издал её в Вологде, снабдив своими комментариями. С ликвидацией евгеники в СССР последовал новый период забвения, и имя Флоринского «вернулось» в науку благодаря И.И. Канаеву, который опубликовал реферат его книги в виде статьи «На пути к медицинской генетике» (Природа. № 1, 1973. С. 62–68; переизд.: Канаев И.И. Избранные труды по истории науки. С. 339–355) и собирал материалы об авторе. Новый всплеск интереса к Флоринскому возник уже в 1990-х гг., когда его книга была переиздана (Томск, 1995) и появились работы о самом авторе (Ястребов Е. Василий Маркович Флоринский. Томск, 1994; Пузырёв В.П. В.М. Флоринский и его евгенические взгляды на улучшение и возрождение человеческого рода // Генетика. Т. 30. 1994).

¹² Хотя российские учёные, естественно, были в курсе этого нового направления; об интересе к евгенике свидетельствует хотя бы статья в энциклопедическом словаре Гранат, написанная К.А. Тимирязевым (Т. 19. Стб. 391–395).

¹³ Об истории евгеники в СССР см.: Graham L. Science and Values. The Eugenics Movement in Germany and Russia in the 1920's // The American Historical Review. Vol. 82, 1977. P. 1133–1164 (особенно p. 1144–1164); Adams M. Eugenics in Russia. 1900–1940 // The Wellborn Science. Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia. N-Y, Oxford, 1990. P. 153–216; Адамс М.Б. Политика в области наследственности человека в СССР: 1920–1940 // Труды Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей.

Т. 90. Вып. 1. СПб., 1994. С. 15–25; *Гунтер Е.К.* Начальные этапы развития советской медицинской генетики (Обзор литературы) // Медицинский реферативный журнал. Раздел XXI. № 10, октябрь, 1985. С. 1–7; *Александров Д.А.* Особенности Петрограда-Ленинграда как центра развития евгеники // Наука и техника: вопросы истории и теории. № 10, 1996; *Колчинский Э.И.* Указ. соч. С. 113–119, а также работы, указанные в след. прим. В последние годы наиболее активно эту тематику изучают М.Б. Коначев в Петербурге (*Коначев М.Б.* Бюро по евгенике (1922–1930) // Исследования по генетике: К 75-летию кафедры генетики и селекции Петербургского университета. Вып. 10. СПб., 1994. С. 22–28; *Коначев М.Б.* От евгеники к медицинской генетике – см.: Российский биомедицинский журнал. Т. III // www.medline.ru/medhistory/medarticles/eumedgen.shtml) и В.В. Бабков в Москве (*Бабков В.В.* Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки // Философские исследования: Наука и тоталитарная власть. № 4. М., 1993. С. 382–398; *Бабков В.В.* Биологические и социальные иерархии. Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину // Вопросы истории естествознания и техники. № 1, 1997. С. 76–94; *Бабков В.В.* Медицинская генетика в СССР // Вестник РАН. Т. 71. № 10, 2001. С. 928–937 и др. работы).

¹⁴ См. о нём: *Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф.* Николай Константинович Кольцов. М., 1975; *Астауров Б.Л.* Николай Константинович Кольцов: Биобиблиографический указатель. М., 1976; *Полынин В.М.* Пророк в своём Отечестве. М., 1969; *Бабков В.В.* Московская школа эволюционной генетики. М., 1985; *Гайсинович А.Е., Россиянов К.О.* «Я глубоко убеждён, что я прав...» Н.К. Кольцов и лысенковщина // Природа. № 5, 1989. С. 86–95; *Бабков В.В.* О принципах организации Института Н.К. Кольцова // Науковедение. № 2, 2000. С. 132–142; *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов и его институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. Т. 23, № 4, 1992. С. 443–459; великоленская биография в кн.: *Сойфер В.Н.* Власть и наука: Разгром коммунистами генетики в СССР. М., 2002. С. 402–437; и очерк в кн.: *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. М., 2001. С. 143–169.

¹⁵ В качестве кандидата в академики он фигурировал ещё в 1928 г. (см.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП (б). 1922–1952 / Сост.: В.Д. Есаков. М., 2000. С. 53).

¹⁶ То, что гениальный учёный Кольцов так и не был избран в действительные члены РАН, оставшись на всю жизнь членом-корреспондентом, случай не такой уж редкий в истории Академии (и не всегда подобные явления обуславливались чисто политическими причинами). Достаточно вспомнить, что не только великий Д.И. Менделеев, но и многие другие учёные первой величины, основатели целых научных направлений, чьи имена составляют гордость отечественной науки, такие как Н.И. Пирогов, Н.Е. Жуковский, А.И. Воейков, К.А. Тимирязев, А.А. Потёбня, Г.А. Лерер, И.А. Бодуэн де Куртэн, так и не продвинулись выше звания членов-корреспондентов, в то время как среди академиков было немало учёных среднего порядка, малоизвестных, а то и вовсе неизвестных ныне личностей.

¹⁷ *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 382.

¹⁸ В пору расцвета в Институте были отделы физико-химической биологии, цитологии, экспериментальной хирургии, экспериментальной морфологии и культуры тканей, механики (физиологии) развития, гидробиологии, зоопсихологии, генетики, евгеники (антропогенетики), при Институте работали также биологические станции. Об истории Института см.: *Детлаф Т.А.* Институт экспериментальной биологии // Онтогенез. Т. 19, № 1, 1988. С. 94–112; *Бабков В.В.* О принципах организации Института Н.К. Кольцова – статья опубликована в журнале «Науковедение» (№ 2, 2000) и в Интернете (www.auditorium.ru/books/693/9.htm).

¹⁹ *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 384–385.

²⁰ *Бунак В.В.* О деятельности Русского Евгенического Общества за 1921 год // Русский евгенический журнал (далее – РЕЖ). Т. 1. Вып. 1. М., 1922. С. 101.

²¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Наркоматом юстиции. 7.2.1924. № 5. Отд. 2. Ст. 14.

²² *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой породы // РЕЖ. Т. 1. Вып. 1. С. 4.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же. С. 20.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ При этом Кольцов понимал религию в данном случае очень широко, как некий общий идеал человечества, и в этом смысле считал религиозной идеей также и идеи социализма.

²⁸ О нём см.: *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко. М., 1978. Новое издание этой книги с восстановленным текстом о евгенических работах учёного см.: *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко. 1882–1930. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. В.В. Бабков. М., 2006. Список трудов учёного см. в кн.: *Филипченко Ю.А.* Эволюционная идея в биологии: Исторический обзор эволюционных учений XIX в. М., 1977.

²⁹ Об истории кафедры см.: *Инге-Вецтомов С.Г.* Кафедра генетики и селекции Петербургского университета – первая кафедра генетики в России // *Генетика*. Т. 30, № 8. 1994. С. 1012–1021.

³⁰ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

³¹ *Медведев Н.Н.* Указ. соч. С. 44.

³² Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Л. 6 об.

³³ *Филипченко Ю.А.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924. С. 166.

³⁴ Там же. С. 166–176.

³⁵ Цит. по: *Медведев Н.Н.* Указ. соч. С. 46.

³⁶ Янис (Янис Арнолдс) Янович Лус (Лусис) (23.11./5.12.1897, Лифляндская губ. – 10.8.1979, Рига), видный биолог, генетик, энтомолог, выпускник Петроградского университета, сотрудник Бюро по евгенике, Института генетики АН СССР, профессор Ленинградского университета, с 1949 г. после разгрома генетики преподавал на биологическом факультете Латвийского гос. университета, член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР (1958). Тенис Карлович Лепин (Лиелпильш) (1895 – 1964), сокурсник Луса, его друг и коллега, крупный специалист по генетике пшениц, сотрудник Института генетики АН СССР, профессор кафедры генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского университета. О работе Луса в Бюро по евгенике см.: Я.Я. Лусис. Жизнь и научная деятельность. Рига, 1985. С. 27–31, 92–97 (автор текста Е.П. Райпулис).

³⁷ *Лепин Т.К., Лус Я.Я., Филипченко Ю.А.* Действительные члены Академии наук за последние 80 лет (1846–1924) // *Известия Бюро по евгенике*. № 3. Л., 1925. С. 3–82.

³⁸ *Филипченко Ю.А.* Интеллигенция и таланты // Там же. № 3, 1925. С. 83–101.

³⁹ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Л. 5 об.

⁴⁰ Его биографию см.: *Асланян М.М., Варшавер Н.Б., Глотов Н.В., Маневич Э.Д., Орлов А.С., Серебровский Л.А.* Александр Сергеевич Серебровский. М., 1993.

⁴¹ *Серебровский Л.А.* О задачах и путях антропогенетики // РЕЖ. Т. 1. Вып. 2. С. 107–116.

⁴² *Серебровский Л.А.* Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе // *Медико-биологический журнал*. Вып. 5. 1929. С. 3–19.

⁴³ Там же. С. 12.

⁴⁴ Собственно открытие мутагенного действия рентгеновских лучей было сделано ещё в 1925 г. Г.А. Надсоном и его учеником Г.С. Филипповым в Ленинградском институте радия на дрожжевых грибах («О влиянии рентгеновских лучей на половой процесс и образование мутантов у низших грибов»), но их работа осталась незамеченной. Исследование Мёллера, выполненное на дрозофиле, напротив, произвело на генетиков эффект разорвавшейся бомбы. Так было положено начало радиационной генетике.

⁴⁵ Подробнее о деятельности Мёллера в СССР см.: Захаров И.А., Рязанцева Е.В. Г. Дж. Мёллер в СССР // Цитология и генетика. Т. 26, 1992. С. 67–71.

⁴⁶ Письмо Германа Мёллера – И.В. Сталину / Предисловие И.А. Захарова. Публикация Ю.Н. Вавилова // Вопросы истории естествознания и техники. № 1, 1997. С. 65–76. См. также: Бабкова В.В. Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину // Там же. С. 76 – 94.

⁴⁷ Этому было посвящено и несколько статей Мёллера 1930-х годов: Генетика против учения о «чистоте расы» // Успехи современной биологии. Т. 3. Вып. 5, 1934. С. 525–541; Евгеника на службе у национал-социалистов // Природа. Т. 23. № 1, 1934. С. 100–106.

⁴⁸ Там же. С. 68.

⁴⁹ Там же. С. 69.

⁵⁰ Там же. С. 70–71.

⁵¹ Там же. С. 73.

⁵² Из литературы последних лет, где подробно рассказывается о попытках совместить биологию с диалектическим материализмом и марксизмом см.: Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (об Обществе – с. 42–44, о неоламаркизме в советской науке 1920-х гг. – с. 91–107).

⁵³ Биография М.В. Волоцкого излагается в соответствии с его собственным «Жизнеописанием» от 27 февраля 1943 г. (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 77. Лл. 5 – 5 об), частично опубликованном на сайте www.finger-prints.8k.com. Здесь же приведены и некоторые другие биографические данные. Искренне благодарю Н.Н. Богданова и внука М.В. Волоцкого М.Л. Калужнина за предоставленные сведения о нём. Архивный фонд М.В. Волоцкого, переданный в РГАЛИ его сестрой Ниной Васильевной после смерти брата (Ф. 117), содержит преимущественно материалы по его фундаментальной работе о роде Достоевских.

⁵⁴ См.: Волоцкой М.В. Спорные вопросы евгеники // Вестник Коммунистической Академии. Кн. 20. М., 1927. С. 212–232 (прения по докладу – с. 232–249, заключительное слово Волоцкого – с. 249–254).

⁵⁵ К числу важных факторов этого плана он относил и физкультуру (Волоцкой М.В. Физическая культура с точки зрения евгеники // Физическая культура в научном освещении. М., 1924. С. 62–75). См. также брошюру Волоцкого «Евгеника и профессиональные вредности».

⁵⁶ Дискуссия напечатана в «Русском Евгеническом журнале» (Т. 1. Вып. 2. С. 220–222).

⁵⁷ Баткис Г.А. Социальные основы евгеники // Социальная гигиена. Сб. 2 (10). М.-Л., 1927. С. 7–26. Григорий Абрамович Баткис (1895–1960), организатор советского здравоохранения, специалист по социальной гигиене и санитарной статистике, член-корр. АМН СССР (1945), с 1931 г. заведовал кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения во II Московском медицинском институте им. Н.И. Пирогова.

⁵⁸ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 7. Лл. 3–4 (записка о работах Евгенического отдела, 1924 г.); Д. 8. Лл. 22–22 об (отчёт Евгенического отдела за 1925 г.).

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 27. О В.В. Бунаке см. статью М.Ф. Нестурха в сборнике «Современная антропология» (М., 1964) и недавнюю биографию в сборнике «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века» (Отв. ред. В.А. Тишков и Д.Д. Тумаркин. М., 2004).

⁶⁰ Таково настоящее имя Г.В. Соболевой. В делопроизводственных документах Института экспериментальной биологии она фигурирует как «Гали Васильевна», однако, имя «Гали» – совсем другое, в качестве самостоятельного имени оно входит в православный именослов. Выражаю глубокую благодарность невестке Г.В. Соболевой и М.В. Волоцкой Галине Алексеевне Соболевой за предоставление важных биографических сведений.

⁶¹ Любопытно, что сам В.В. Сахаров в конце 1920-х годов определял свою профессиональную принадлежность, как «евгеник» (Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 102).

⁶² Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 24. Л. 7 об.

⁶³ *Полов Н.В.* К вопросу о связи одарённости с душевными болезнями // РЕЖ. Т. 5. Вып. 3–4. С. 133–154.

⁶⁴ Здесь нет возможности подробно останавливаться на интереснейшей личности Г.В. Сегалина и его деятельности, а также и на примечательном подъёме исследования в области психологии в Советской России 20-х годов, но несколько слов о самом Сегалине сказать необходимо. Григорий (Гирш) Владимирович Сегалин (1878–1960), доктор медицины и художник, специализировался по неврологии и психиатрии, с 1920 г. работал в Екатеринбурге, где был приват-доцентом Уральского университета и заведовал Психотехнической лабораторией в Уральском политехническом институте. В 1925 г. он основал «Клинический архив гениальности и одарённости (эвропатологии)», выходящий до 1930 г. (всего 5 томов в 20-ти выпусках). В 1930-х годах Сегалин работал в Институте гигиены труда и профзаболеваний, в 1948 г. переехал в Ленинград, а позднее в Подмоскowie. Со статьями, опубликованными в сегалинском «Архиве...», можно ознакомиться на сайте, созданном А.П. Кормушкиным: www.pathographia.narod.ru (здесь же можно найти подробную информацию как о самом Сегалине, так и о возглавлявшемся им направлении в целом).

⁶⁵ Отчёты за первые годы работы Общества публиковались в «Русском Евгеническом журнале». См.: *Бунак В.В.* О деятельности Русского Евгенического Общества за 1921 год // РЕЖ. Т. 1. Вып. 1. С. 99–101; Русское Евгеническое Общество в 1923 году // РЕЖ. Т. 2. Вып. 1. С. 58–60; *Бунак В.В.* Из отчёта о деятельности Русского Евгенического Общества за 1923 г. // Там же. С. 66–67; Отчёт о деятельности Русского Евгенического Общества за 1924 г. // РЕЖ. Т. 3. Вып. 1. С. 85.

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 48. Лл. 1–2 об.

⁶⁷ Михаил Павлович Кутанин был учеником прославленного психиатра С.С. Корсакова, прошёл стажировку в Берлине, работал под руководством П.Б. Ганушкина и В.П. Сербского. С 1923 г. М.П. Кутанин жил в Саратове, где создал первую в городе психиатрическую клинику и возглавил кафедру психиатрии в университете, которой заведовал до 1964 г., более сорока лет. Он также оставил заметный след в наркологии (в 1915 г. первым в отечественной психиатрии обстоятельно описал явление кокаинизма), считается основателем библиотерапии, опубликовал ряд научных работ, в т.ч. книгу «Психопатии» (Саратов, 1926), сотрудничал, кстати, в сегалинском «Архиве...».

⁶⁸ См.: *Кутанин М.Н.* Отчёт о работе Саратовского отделения Русского Евгенического Общества // РЕЖ. Т. 5. Вып. 2. С. 93–96.

⁶⁹ Алексей Николаевич Сысин (4/16.10.1879 – 25.6.1956), видный отечественный гигиенист и эпидемиолог, окончил медицинский факультет Московского университета (1908, ученик Г.Н. Габричевского), участвовал в революционном движении, работал санитарным врачом в Нижегородской губернии, а затем в Москве, в 1919 г. возглавил санитарно-эпидемиологический отдел Наркомздрава, доктор медицинских наук (1934), автор классических учебных книги гигиены и «Справочника санитарного врача», академик АМН СССР (с 1944), директор Института общей и коммунальной гигиены АМН.

⁷⁰ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 73. Лл. 1 – 15.

⁷¹ Предполагавший «сделать в Обществе доклад о родословной Пушкина, весьма обстоятельно им изученной с антропологической точки зрения» (РЕЖ. Т. 2. Вып. 1. С. 58).

⁷² Луначарский вообще очень интересовался медицинскими вопросами, так или иначе связанными с культурой, в его архиве, например, сохранилось письмо Г.В. Сегалина и некоторые другие материалы (РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 580).

⁷³ Как кажется, и некоторые другие, менее явные, мотивы повести могут быть связаны с евгеникой. Так действие разворачивается в доме, где жил профессор, на Пречистенке – и именно на этой улице находится Дом учёных, где проходили заседания Русского Евгенического общества; пёс Шарик размышляет о своей родословной и предполагает наличие в ней «благородных кровей»; возможно, и имя профессора Преображенского – Филипп Филиппович – в какой-то степени могло отсылать к фамилии одного из ведущих пропагандистов евгеники – Ю.А. Филипченко.

⁷⁴ Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М., 1928. С. 18.

⁷⁵ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 86. Л. 1.

⁷⁶ Люблинский П.И. Современное состояние евгенического движения // РЕЖ. Т. 4. Вып. 2. С. 63–75.

⁷⁷ Переиздано недавно в кн.: Род и предки А.С. Пушкина / Сост., предисл., подготовка текста О.В. Рыковой. М., 1995. С. 243–334.

⁷⁸ Библиографию трудов С.Н. Давиденкова см.: Сергей Николаевич Давиденков. К 85-летию со дня рождения (1880–1961). Библиография работ и литературы о нём / Сост. С.А. Заславская. М., 1966.

⁷⁹ Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР. С. 932.

⁸⁰ Давиденков С.Н. Генетическое бюро при МОНИП // РЕЖ. Т. 6. Вып. 1. М.-Л., 1928. С. 55–56.

⁸¹ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 5. Д. 29.

⁸² Об истории генеалогии в России в этот период см. книгу: Бычкова М.Е., Смирнов М.И. Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004. С. 126–145; многочисленные работы О.Н. Наумова по историографии и истории русской генеалогии XIX–XX вв., а также других авторов (здесь важно отметить сборник «Из истории Русского Генеалогического общества». СПб., 2001).

⁸³ Краско А.В. Русское Генеалогическое общество: 1918–1922 (страницы истории) // Известия Русского Генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1995. С. 37–43.

⁸⁴ См.: Думин С.В. Историко-Родословное Общество в Москве // Летопись Историко-Родословного Общества в Москве. Вып. 1. М., 1993. С. 16; Наумов О.Н. Н.П. Чулков – генеалог, историк, москвовед // Известия РГО. Вып. 8. СПб., 1997. С. 39; Он же. В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века // Русский родословец. № 1(3), 2004. С. 66.

⁸⁵ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 153. Лл. 5–5 об. (письмо от 28 февраля 1921 г.).

⁸⁶ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 62. Лл. 8а–14, 21–27.

⁸⁷ Там же. Л. 19–19 б.

⁸⁸ Штейн В.М. Одесская профессура. Статистическо-евгенический очерк. Одесса, 1922.

⁸⁹ Горбунов А.В. Размножаемость московской интеллигенции по данным анкеты Русского Евгенического общества // Русский Евгенический журнал. Т. 6. Вып. 1. М.-Л., 1928. С. 3–53.

⁹⁰ Там же. С. 53.

⁹¹ Бунак В.В. О деятельности Русского Евгенического Общества за 1921 год. С. 100.

⁹² ГА РФ. Ф. А – 482. Оп. 28. Д. 61. Л. 18.

⁹³ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 7. Л. 3 об.

⁹⁴ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26. Лл. 48–88.

⁹⁵ Там же. Л. 121.

⁹⁶ Кроме того Четверикова и Кольцова связывала ещё одна линия родства. Мать Сергея Сергеевича Четверикова, Мария Александровна (1856–1935) происходила из рода Алексеевых (Подробнее о генеалогии Четвериковых см.: Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания. С. 572–575) и была дочерью Александра Владимировича Алексеева и Елиза-

веты Михайловны Бостанжогло (греческого происхождения). Родной брат Марии Александровны, Николай Александрович Алексеев (1852–1893) – знаменитый Московский городской голова (кстати, на сестре его жены был женат брат Петра Ильича Чайковского – Анатолий Ильич). Таким образом, С.С. Четвериков доводился ему родным племянником. Двоюродный брат Николая Александровича и Марии Александровны – Константин Сергеевич Станиславский. Их общий дед, Владимир Семёнович – брат прабабушки Н.К. Кольцова. Таким образом, Н.К. Кольцов и С.С. Четвериков были четвероюродными братьями.

⁹⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26. Л. 221.

⁹⁸ Архив РАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 58.

⁹⁹ Там же. Л. 197. В этом исследовании А.С. Серебровский шёл вслед за Ф. Гальтоном, также обратившем внимание на родословие Птолемеев (*Гальтон Ф. Наследственность таланта: Законы и последствия*. М., 1996. С. 104–105).

¹⁰⁰ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 14. Лл. 49 а–49 б.

¹⁰¹ К сожалению, в его фонде в РГАЛИ имеются только материалы по Достоевским.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Письмо М.В. Волоцкого А.В. Луначарскому от 24 октября 1930 г.: «Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Моя работа «Род Достоевских в характерологическом освещении» находится сейчас в Комакадемии, где имеется возможность её издания. В ближайшее время должен решиться вопрос о её судьбе. В этот момент Ваше слово могло бы значить так много, что я обращаюсь к Вам с просьбой ещё раз оказать свою помощь в таком трудном и длительном рождении моей работы на свет. Если бы удалось двинуть дело быстрым темпом, то есть ещё надежда, что книга выйдет в юбилейном 1931 году. Я надеюсь также, что она выйдет с обещанными Вами предисловием. Уважающий Вас М. Волоцкий» (РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 668. Л. 6). Как видим, в 1931 г., когда исполнилось 50-летие со дня смерти писателя, книга так и не была опубликована. В конечном итоге она была опубликована под редакцией известного литературоведа М.А. Цявловского (1883–1947) и с предисловием видного психиатра П.М. Зиновьева (1882–1965), много занимавшегося в те годы изучением патологии выдающихся людей.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Дд. 46, 74.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

¹⁰⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 8. Л. 44.

¹⁰⁸ О жизни и трудах Н.П. Чулкова см.: *Андроников И.Л.* Рассказы литературоведа. М., 1962. С. 48–49; *Рыкова О.В.* Н.П. Чулков и его генеалогический доклад // Историческая генеалогия. № 1, 1993. С. 87–88; *Она же.* Указатель родословных из фонда Н.П. Чулкова // Историческая генеалогия. № 2, 1993. С. 37–41; *Она же.* Николай Петрович Чулков // Русская генеалогия. Энциклопедия. М., 1999. С. 206–210; *Наумов О.Н.* Геральдика в научном творчестве Н.П. Чулкова // Гербовед. № 9, 1996. С. 138–146; *Он же.* Н.П. Чулков – генеалог, историк, москвовед // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 8. СПб., 1997. С. 38–44; *Он же.* Неизвестная рукопись Н.П. Чулкова «Русское дворянство еврейского происхождения» // Вестник архивиста. № 4/5, 2002. С. 291–294; *Шокарев С.Ю.* Фонд Н.П. Чулкова в музее истории города Москвы // Археологический ежегодник за 1996 г. М., 1998. С. 299–309; *Он же.* Сост.: Список печатных трудов Н.П. Чулкова // Там же. С. 316–319; *Он же.* Замечательный знаток всех московских родословных. Николай Петрович Чулков // Краеведы Москвы. М., 1997. С. 253–271; *Мелневская М.Ю.* Николай Петрович Чулков // Там же. С. 387–388. Архивные материалы Н.П. Чулкова хранятся в Отделе рукописных фондов Государственного Литературного музея (Ф. 230), в Музее истории г. Москвы (Ф. 8168) и в РГАЛИ (Ф. 544).

¹⁰⁹ О нём см.: *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. Биобиблиографический справочник. СПб., 2003. С. 138–140 (биографические сведения и библиография); а также: *Мищенко Т.К.* От редактора // Любимов С.В. Титулованные роды Российской Империи. М., 2004. С. 5–7 (краткая библиографическая справка, свидетельствующая об ограниченности знаний автора).

¹¹⁰ О нём см.: *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей. С. 157–158.

¹¹¹ Обречены по рождению... СПб., 2004. С. 457 (Книга памяти уничтоженного дворянства).

¹¹² О нём подробно см.: *Пец А.П.* Николай Карлович фон Эссен // Из истории Русского Генеалогического общества. СПб., 2001. С. 93–98.

¹¹³ О нём см.: *Наумов О.Н.* В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века. С. 61–79.

¹¹⁴ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26. Лл. 91–99, 100–104.

¹¹⁵ *Наумов О.Н.* В.С. Арсеньев – русский генеалог XX века. С. 78.

¹¹⁶ О нём см.: *Злочевский Г.Д.* «Надо приучать людей к познанию прошлого...» // Библиография. № 5, 2003. С. 81–101 (здесь же и библиография его трудов); также: *Гузеева И.А.* Достойный памятник замечательному библиографу // Библиография. № 6, 2003. С. 72–73, в этом же номере Г.Д. Злочевским опубликованы и письма Карташова к тульскому краеведу В.М. Рудневу (С. 74–85).

¹¹⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 5. Д. 21. 46 л.

¹¹⁸ Получивших, как ни странно, весьма прохладную оценку в генеалогической историографии (*Красюков Р.Г.* Обзор русской советской литературы по генеалогии за 70 лет (1917–1987) // Известия Русского Генеалогического Общества. Вып. 1. СПб., 1994. С. 56–58).

¹¹⁹ Предварительный набросок родословной таблицы к этой статье сохранился в архиве Н.П. Чулкова (РГАЛИ. Ф. 544. Оп. 2. Д. 3).

¹²⁰ Отдельные материалы к этому родословным и оригиналы таблиц, составленные В.С. Золотарёвым сохранились в архиве Кольцова (Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 26).

¹²¹ *Золотарёв С.А.* Литературные методы и горизонты // Родной язык в школе. Сб. 8. Л., 1925. С. 30. В этой статье приведён и неполный список включённых В.С. Золотарёвым лиц в единую генеалогическую схему, это: Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Державин, Херасков, Фонвизин, Капнист, Карамзин, Дмитриев, Грибоедов, Батюшков, Боратынский, Жуковский, Одоевский, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тютчев, Фет, Аксаковы, Тургеневы, Толстые, Полонский, Апухтин, Майковы, Блок, Чаадаев, Герцен, Кропоткин, Самарин, Киреевские, Щербатов, Соловьёвы, Муравьёвы, декабристы, Пестель, Бакунин, Н.А. Морозов, Глинки, Даргомыжский, Лешин, Донауров, Римский-Корсаков, Бекетовы, Яблочков, Тимирязев, Овсяннико-Куликовский и др. К сожалению, мне не удалось пока узнать ни кто такой был В.С. Золотарёв, ни сохранились ли какие-либо его архивные материалы.

¹²² Один из первых таких опытов в недавней историографии – исследование потомства рода Ржевских Н.К. Телетовой (книга «Забывтые родственные связи А.С. Пушкина». Л., 1981). Ещё в 1970-х годах на русском материале составлением генеалогий всего потомства какой-либо знаменитой личности начал заниматься Жак Ферран (книги о потомках А.В. Суворова, М.И. Голенищева-Кутузова, П.С. Салтыкова). Из литературы последнего времени можно назвать более или менее удачные исторические и генеалогические работы о потомках Абрама Ганнибала (А.М. Бессонова, Т.Ю. Мальцева, Н.К. Телетова), Леонарда Эйлера (Э.Н. Амбургер, И.Р. Геккер, Г.К. Михайлов и др.), А.Д. Меншикова, М.В. Ломоносова и А.В. Суворова (А.Н. Нарбут), М.И. Голенищева-Кутузова (Г.В. Ровенский), Гончаровых (Г.В. Ровенский) и Н.Н. Гончаровой (Т. и В. Рожновы), А.С. Пушкина (В.М. Русаков) и др. Ряд родословных подобного рода был составлен с помощью компьютерной системы «Русская генеалогия» (её создатель и руководитель этого проекта М.И. Смирнов) – предки А.С. Пушкина, потомки гр. И.И. Воронцова-Дашкова и др.

¹²³ Предки А.С. Пушкина (поколенная роспись). М., 1999 (с довольно большим количеством неточностей).

¹²⁴ Имеется в виду книга М.В. Майорова «Русская родословная мозаика» (М., 2002). В генеалогической периодике на неё опубликованы две рецензии: профессиональная В.Н. Рыхлякова (Неудачный опыт реализации хорошей идеи // Генеалогический вестник. № 8. СПб., 2002. С. 60–64) и дилетантская Н.В. Покровского (Летопись Историко-Родословного общества в Москве. Вып. 8/9. М., 2004. С. 172–176). При всех ошибках и неточностях книги нельзя забывать, что это первый опыт подобного рода, который почему-то до того времени не смогли осуществить многие современные генеалогии.

¹²⁵ См., к примеру: *Родионов А.В.* Молекулярная генетика на службе генеалогии // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 17. СПб., 2005. С. 5–15.

¹²⁶ Цит. по: *Астауров Б.Л., Рокитцкий П.Ф.* Указ. соч. С. 103.

¹²⁷ Цит. по: *Астауров Б.Л.* Николай Константинович Кольцов: Библиографический указатель. М., 1976. С. 25.

¹²⁸ Об этом см.: *Сойфер В.Н.* Указ. соч. С. 253–254.

¹²⁹ *Бабков В.В.* Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 387–391.

¹³⁰ О чём свидетельствует одно из её писем, отправленных из среднеазиатской экспедиции (см.: Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 33. Лл. 11–11 об.).

¹³¹ О Четверикове в этой связи см.: *Калинина Т.Е.* Происхождение Сергея Сергеевича Четверикова. Его жизненный путь // Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания (Научное наследство. Т. 28) / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. д.б.н. Т.Е. Калинина. Отв. ред. чл.-корр. РАН И.А. Захаров. М., 2002. С. 31–32.

¹³² Николай Константинович Беляев (1899–1937), талантливый генетик, ученик Четверикова, волей судьбы оказался изначально вовлечённым в разгоревшийся конфликт. Вскоре ему пришлось покинуть кольцовский институт – в последующие годы он работал в Среднеазиатском, а затем в Закавказском институтах шелководства, где внёс большой вклад в изучение генетики тутового шелкопряда. Как и многие генетики Н.К. Беляев пал жертвой сталинского террора. См. о нём: *Астауров Б.Л., Никоро Э.С., Струнников В.А., Эфроимсон В.П.* Научная деятельность Н.К. Беляева // Из истории биологии. Вып. 5. М., 1975. С. 103–136.

¹³³ Кто нас учит и чему? // Чудак. № 14, апрель 1929. С. 6–7.

¹³⁴ *Серебровский А.С.* Письмо в редакцию // Медико-биологический журнал. Вып. 4-5. М.-Л., 1930. С. 447–448.

¹³⁵ Цит. по: *Асланян М.М. и др.* Указ. соч. С. 149.

¹³⁶ В 23-м томе Большой советской энциклопедии (М., 1931) была опубликована статья «Евгеника», написанная Г.А. Баткисом (Стб. 812–819), где евгеника однозначно связывалась с фашизмом, расизмом и зоологическим национализмом. Кольцов обвинялся в попытках «перекрасить фашистскую политическую программу применительно к условиям советской действительности», а сторонники «социалистической евгеники» (Серебровский и Левит) назывались «меньшевистствующими идеалистами».

¹³⁷ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 32.

¹³⁸ Григорий Иосифович Роскин (1892–1964), один из учеников Кольцова, крупный цитолог и гистолог, впоследствии профессор МГУ.

¹³⁹ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об.

¹⁴⁰ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 29. Лл. 14–14 об.

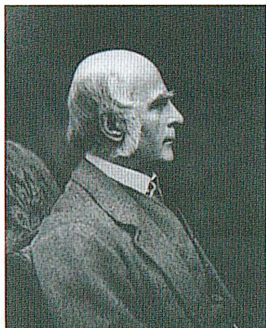
¹⁴¹ Об обществе см.: Краткий отчёт о деятельности Общества по изучению расовой патологии и географического распространения болезней // РЕЖ. Т. 7. Вып. 2–3, 1929. С. 113.

¹⁴² Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 29. Лл. 29, 32–33.

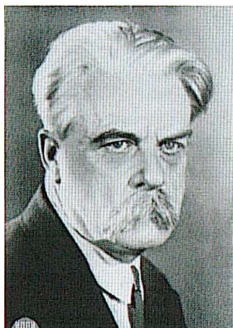
- ¹⁴³ Архив РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 39. Л. 267.
- ¹⁴⁴ Бабков В.В. Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 391.
- ¹⁴⁵ Об истории Медико-генетического института и о С.Г. Левите см.: Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР // Вестник РАН. Т. 71, № 10, 2001. С. 928–937.
- ¹⁴⁶ Подробно о работе института см.: Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР. С. 929–932.
- ¹⁴⁷ Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 52. 12 л.
- ¹⁴⁸ Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину. С. 89; Он же. Медицинская генетика в СССР. С. 933.
- ¹⁴⁹ Подробнее о разгроме института и гибели Левита см.: Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР. С. 933–935.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Сойфер В.Н. Указ. соч. С. 346.
- ¹⁵¹ См.: Спорные вопросы генетики и селекции. Работы IV Сессии ВАСХНИЛ. М.-Л., 1937. С. 243–248 (выступление Г.Е. Ермакова), 331–334 (выступление А.В. Заркевича), 396–397 (выступление И.И. Презента).
- ¹⁵² Архив РАН. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 340. Лл. 1–2.
- ¹⁵³ Цит. по: Сойфер В.Н. Указ. соч. С. 422.
- ¹⁵⁴ Подробнее об этих публикациях см.: Сойфер В.Н. Указ. соч. С. 423–426.
- ¹⁵⁵ Подробно о событиях тех лет см.: Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его Институт в 1938–1939 гг. // Онтогенез. Т. 23, № 4. 1992. С. 443–459; Он же. Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 392–398.
- ¹⁵⁶ Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его институт в 1938–1939 гг. С. 451.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 451–452; Бабков В.В. Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 397.
- ¹⁵⁸ Детлаф Т.А. Указ. соч. С. 107; Архив РАН. Ф. 450. Оп. 4. Д. 15 («Резолюция общего собрания сотрудников Института экспериментальной биологии от 15.1.1939 г. ... Принята единогласно 27.1.1939 г.»). «Отвечая на критику, Н.К. Кольцов встал и сказал, что он не отказывается ни от единого слова, написанного им по евриенике. Вначале он облёк свой отказ в форму заявления, что его увлечение евгеникой – определённый этап его жизни, являющийся частью природного им пути, и поскольку это было его жизнью, от него отказаться невозможно. На прямой вопрос, признаёт ли он всё-таки ошибочность евгеники, Кольцов ответил безоговорочным отказом» (Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1975. С. 69).
- ¹⁵⁹ Цит. по: Сойфер В.Н. Указ. соч. С. 429.
- ¹⁶⁰ Бабков В.В. Н.К. Кольцов и его Институт в 1938–1939 гг. С. 452–453.
- ¹⁶¹ Бабков В.В. Н.К. Кольцов и борьба за автономию науки. С. 398.
- ¹⁶² Архив РАН. Ф. 450. Оп. 3. Д. 104. Лл. 1–1 об.
- ¹⁶³ Имеется в виду Литературно-мемориальный музей детства А.М. Горького «Домик Каширина», открытый 1 января 1938 г. в бывшем доме деда писателя В.В. Каширина на Успенском (ныне Почтовом) съезде, д. 21. Создателем и первым директором музея был краевед, журналист, работавший когда-то с Горьким в газете «Нижегородский листок», Фёдор Павлович Хитровский (1874–1968). Ныне этот музей входит в состав Государственного музея А.М. Горького в Нижнем Новгороде.
- ¹⁶⁴ Ныне Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
- ¹⁶⁵ Бабков В.В. Биологические и социальные иерархии: Контексты письма Г.Г. Мёллера И.В. Сталину. С. 91.
- ¹⁶⁶ Бабков В.В. Медицинская генетика в СССР. С. 935.
- ¹⁶⁷ Эфроимсон В.П. Гениальность и генетика. М., 1998 (книги «Гениальность и генетика», «Педагогическая генетика», «Родословная альтруизма»); Он же. Генетика гениальности. М., 2002; Он же. Педагогическая генетика. Родословная альтруизма. М., 2003; Он же. Генетика этики и эстетики. М., 2004.

ЕВГЕНИКА И ГЕНЕАЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ 1920-Х ГОДОВ

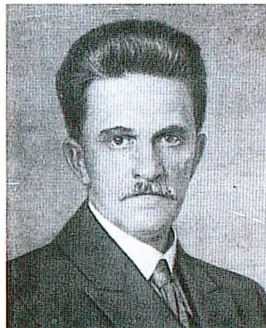
(см. стр. 76)

Ф. Гальтон

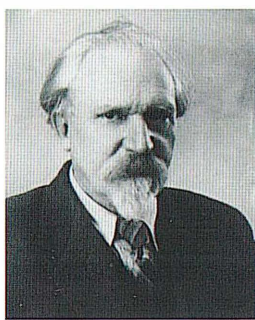
Н.К. Кольцов

Ю.А. Филиппченко

А.С. Середбровский

В.В. Бунак

П.Н. Ловлинский

С.Н. Давиденков

Т.Н. Юдин

Г. Мёллер

М.В. Волоцкий

Г.В. Соболева

В.В. Гахаров

Я.Я. Лүс

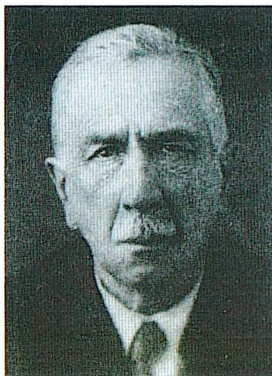
Т.К. Лепин

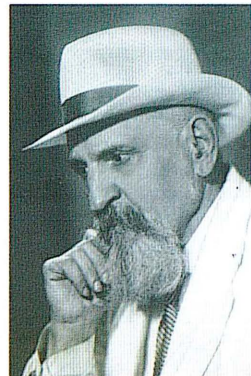
О.В. Николаев

С.Г. Левинт

Н.П. Чуков

Н.М. Картавцов

Иллюстрации из архивов Е.В. Пчелова